

ДОБРОЕ ДЕЛО

ХЕШВАН 5774

85

ОКТАБРЬ 2013

ГАЗЕТА БФ "ХЕСЕД ШААРЕЙ ЦИОН"
ОДЕССА

В знак того, что мы ничего не забыли...

23 октября 1941 года, через неделю после начала фашистской оккупации Одессы в пороховых складах, которые размещались тогда в районе нынешней площади им. Толбухина со стороны Люстдорфской дороги, были сожжены более 25 тысяч мирных жителей Одессы.

Вскоре после освобождения Одессы свидетельница этих ужасных событий М. И. Бобкова рассказала членам комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских оккупантов: "В помещении пороховых складов, расположенных по Люстдорфскому шоссе, возле моего дома, румыны начали тысячами сгонять арестованных мирных жителей — мужчин, женщин и детей. Когда они заполнили советскими людьми 9 пустых складских помещений, тогда стали подкатывать к складам бочки с горючим... Я лично видела, как румыны насосами качали горючее из этих бочек и через шланги поливали

склады, в которых находились согнанные ими жители города. Когда склады были облиты горючим, румынские солдаты их подожгли. Поднялся страшный крик... Женщины и дети, объятые пламенем, кричали: спасите нас, не убивайте, не сжигайте! Подоженные румынами склады продолжали гореть несколько дней. Когда пожар прекратился, румыны к месту пожара пригнали жителей города, которые выкопали большие ямы, длиною метров в 100, шириною в 5-6 метров и глубиною около 3-х метров каждая. Потом появились румынские солдаты, стаскивали обгоревшие трупы в эти вырытые ямы и закапывали".

В память о невинных жертвах на месте трагедии теперь сооружен Мемориальной комплекс, куда в годовщину трагедии приходят люди, приносят цветы, вспоминают, молчат, плачут...

И в нынешнем году 23 октября здесь состоялся митинг Памяти. Почтить память жертв фашизма пришли ветераны войны, и.о. председателя Киевской районной

администрации Лилия Рогачко, заместитель и.о. председателя по социальным вопросам Юрий Калинин, председатель Одесской региональной Ассоциации евреев-бывших узников гетто и нацистских концлагерей Роман Шварцман, члены Ассоциации «Украина-Израиль», жители Одессы.

"На этом месте вдоль дороги размещались 9 ангаров, в которые согнали более 25 тысяч мирных жителей. 22 тысячи из них — евреи, в основном дети, женщины и старики, и более 3-х тысяч — военнопленные солдаты и моряки. Все они погибли. Их сожгли оккупанты", — сказал Роман Шварцман.

"На примере трагических событий, которые произошли на этом месте, мир должен помнить, какой страшной была та война. Мы всегда будем хранить память о том, какой ценой завоеван мир. И мы должны передавать эту память нашим детям и внукам", — подчеркнула Лилия Рогачко.

И цветы, и венки легли к памятникам Мемориального комплекса.

В знак того, что мы ничего не забыли.

Клуб "Фронтное братство"

На очередной нашей встрече было всего 12 фронтовиков. Ничего с этим не сделать, нужно лишь помнить погибших на войне и ушедших потом.

Руководитель Культурного центра Анна Розен рассказала, что непосредственно в боях участвовала 501 тысяча евреев, из них 167 тысяч офицеров. 135 евреев стали Героями Советского Союза, а полковник танкист Давид Драгунский — дважды. Когда маршала Г.К. Жукова спросили, какое представление на звание Героя больше всего ему запомнилось, он ответил, не задумываясь: "Представление на 17-летнего наводчика орудия Ефима Дискина". Это было в ноябре 1941 года под Волоколамском, где весь орудийный расчет погиб, и он сам подносил снаряды, сам заряжал, сам стрелял и сам прямой наводкой подбил три фашистских танка.

Многое из услышанного на заседании клуба меня поразило, хотя во время войны я был командиром огневого взвода 384 истребительно-противотанкового полка. В нашей батарее служили воины разных национальностей и все вместе мы 24 часа в сутки смотрели смерти в глаза. У нас в полковой разведке были два молодых еврея, слава о них гремела по всему фронту, потому что таких разведчиков были единицы. Потом один из них участвовал в параде Победы в Москве. Одного звали Лева, а имя другого я забыл. Много лет с той поры прошло и

теперь два ордена Отечественной войны, орден Богдана Хмельницкого и 14 медалей напоминают мне о далекой фронтовой молодости.

А официально об участии евреев в той великой и страшной войне много лет старались не вспоминать, замалчивали как могли и где могли. Молчали все, в том числе авторитетный, казалось бы, Институт военной истории. В 3-м томе шеститомной истории Великой Отечественной войны, где приведен национальный состав офицеров, еврея нет ни одного. Так оно было и, к счастью, закончилось, когда в 1992 году генеральный штаб рассекретил данные, которые и секретить не было за что. И оказалась, что в одной только авиации служили более 7 тысяч офицеров-евреев.

По последним сведениям генералами и адмиралами в ходе войны стали 235 евреев.

Корпусами командовали 23 еврея, армиями — 8 евреев. В ставке Верховного главнокомандования служили 16 генералов и адмиралов-евреев. Не похвалы ради я это пишу, но законной гордости ради.

23 ноября 1950 года в бериевских застенках расстреляли журналистку Мариан (Миру) Айзенштадт, урожденную Казаринскую, литературный псевдоним — Железнова. В годы войны она работала в Еврейском антифашистском комитете, была обозревателем газеты "Эйникайте" вместе с Ильей Эренбургом. В середине 1945 года Мирра Железняк первая опубликовала списки евреев — Героев Советского Союза, что ей потом и припомнили. В этом году исполнилось 100 лет со дня ее рождения. И ее дочь, литературный критик Надежда Железнова-Бергельсон написала книгу "Мою маму убили в середине XX столетия". Об этой человеческой трагедии тоже говорили на нашей встрече и минутой молчания почтили память Мирры Железняковой.

Мы дожили до таких лет, когда можно и нужно изучать, говорить и писать о прошлом. И мы обязаны это делать, чтобы память об ушедших, о героизме и трагедиях не растворилась во времени.

Полковник в отставке Матвей Полищук

Лариса Соломяк
"Утро начинается с приезда гостей" 2 стр.

Анна Розен
"Мастера рукотворных чудес" 2 стр.

Е. Лукьянова
"Повесть о падающих яблоках" 3 стр.

Ирина Ковлакова
"Мои одесситы" 3 стр.

Наша гостиная 4 стр.

Проект "Уходящее поколение" 5 стр.

Юрий Олеша
"Книга прощания" 6-7 стр.

Александр Бовин
"Пять лет среди евреев и мидовцев" 8 стр.

Ростислав Александров
"Остались картины и память" 9 стр.

Владимир Чарнецкий
"Записки старожила" 10 стр.

Страна Поэзия 11 стр.

Улыбка 12 стр.

ВНИМАНИЕ!

Начинается подписка на газету "ДОБРОЕ ДЕЛО" на 2014 год.

Стоимость — 7 грн 26 коп.

Оформить подписку можно только в Хеседе

Телефоны БФ "Хесед Шаарей Цион":

Служба "Мокед-Лакашиш" — 737-40-21; Служба "Питание" — 737-40-11;
Программа "Медицина" — 737-40-32; Культурный центр — 737-40-13;
Служба волонтеров — 737-40-24; Дневной центр — 737-40-30;
Газета "Доброе дело" — 737-40-12

Новости Одессы, Украины, мира

28 октября к 69-й годовщине освобождения Украины от фашистских захватчиков состоялась торжественное возложение цветов к памятнику Неизвестному матросу на Аллее Славы парка им. Тараса Шевченко.

В отделение детской реанимации одесской детской больницы №2 поступило новое оборудование, которое позволит вдвое увеличить его мощность и оказывать неонатологическую помощь по современным европейским стандартам.

В Одессе появятся три новых центра первичной медико-санитарной помощи. Два из них в Киевском районе будут обслуживать население, прикрепленное к городской поликлинике №20 и городской больнице №8, а один – в Суворовском районе, на базе семейной амбулатории городской поликлиники №29.

В студенческой поликлинике №21, обслуживающей 21 500 студентов, за счет госбюджета установлен цифровой флюорограф украинского производства, соответствующий стандартам качества и безопасности флюорографических исследований.

На ПАО «Одесская ТЭЦ» установлен новый трансформатор. Его используют для решения проблем энергоснабжения центра города, возникших из-за выхода из строя трансформаторов Одесской ТЭЦ в июне.

Департаментом транспорта, связи и организации дорожного движения разработаны предложения по увеличению пропускной способности улиц и сокращению пробок в Суворовском районе Одессы.

На перекрестке улиц Черноморского казачества и Николаевской дороги начались работы по изменению схемы дорожного движения. Новая схема предполагает увеличение количества полос для транспорта, двигающегося в направлении поселка Котовского, без расширения дорожного полотна.

В Киевском районе Одессы продолжается снос сухих и аварийных деревьев.

В Одессе работники КП «Сервисный центр» консервируют городские фонтаны перед зимним периодом, чтобы возобновить их работу весной.

Компания «Аркадия-сити», которая намеревается построить гостиницу в балке под центральной аллеей Аркадии, реконструирует аллею с использованием мрамора и гранита.

В одесской мэрии презентована программа реконструкции парка «Преображенский» (бывший парк им. Ильича), расположенного на территории уничтоженного в 1930-е годы Первого кладбища. Программой предусмотрено создание в парке мемориального комплекса.

Утро начинается с приезда гостей

Мы называемся “Дневной центр”, но работа у нас начинается с самого утра, с приезда наших клиентов, а еще лучше сказать, гостей, которых мы всегда ожидаем с нетерпением и встречаем с улыбкой.

После обязательной легкой, но очень полезной утренней зарядки следует завтрак. А потом начинаются самые разные познавательные и развлекательные программы, которые все ждут, внимательно слушают, в которых участвуют. Мы читаем юмористические рассказы, стихи, в том числе те, которые великолепно пишет для детей наша Алла Вайнгауз. Инесса Иофель не только знакомит нас с прогнозом погоды и ее влиянии на самочувствие, но рассказывает о многих замечательных людях, читает рассказы и юморески.

Заинтересовали всех воспоминания режиссера театра и кино Марка Захарова, и мы с удовольствием просмотрели некоторые его фильмы. И не один даже, а несколько раз с душевным трепетом слушали мы запись концерта Ефима Александрова “Песни еврейских местечек”, после чего Дора Рацен исполнила на идиш песни, которые пели когда-то наши бабушки, а Дора помнит их, хранит и поет.

Часто бывает в “Дневном центре” и радуется своими рассказами Ида Гроссман, играет Борис Шер-Брук, под

У памятника Неизвестному матросу

музыку которого все поют, поскольку удержаться от этого просто нельзя. Поют для нас романсы Мальвина Владова и Яков Фукс.

Пока еще стоит теплая одесская осень, мы выезжаем в парк им. Тараса Шевченко, собираем там разный природный материал, из которого рождаются потом наши поделки. А заканчивается день в “Дневном центре” горячим обедом, и автобус развозит наших гостей по домам.

Лариса Соломяк, руководитель “Дневного центра”

Мастера рукотворных чудес

“Все прекрасное на земле – от Солнца, всё хорошее – от человека, его души, его добрых и умелых рук”. Эта мысль стала ключевой на пятилетию кружка “Вышивка бисером”, в котором искусные женские руки создают великолепные работы, постоянно совершенствуясь в своем тонком деле. И если кто-то воскликнет “Да это же настоящее искусство!”, то не ошибется. В кружке есть и представитель сильного пола – Роман Заславский, который вышивает бисером не хуже женщин и, к тому же, всегда готов помочь, когда нужны мужские руки.

Все пять лет кружком руководит Инна Корсунская, умеющая заинтересовать и найти особый подход к каждому.

И сотни подаренных работ увозят гости Хеседа в разные страны, прошел аукцион, который позволил собрать средства для адресной помощи некоторым клиентам Хеседа, состоялись общегородские и

Юбилейный торт

областные выставки картин из бисера. И сейчас зал Культурного центра украшают две выставки работ кружковцев.

Только это не было бы возможным без постоянного внимания и помощи Генерального директора Хеседа Анатолия Кесельмана, начальника отдела кадров

Юлии Печерской, руководителя “Романтической гостиной” и хозяйки “Теплого дома” Ларисы Ерецкой, редактора газеты “Доброе дело” Семена Вайнבלата.

На пятилетнем юбилее кружка грамотами были отмечены пятеро его участников – Р. Заславский, С. Игнатъев, И. Корсунская, Р. Лысянская, Н. Руднева. Лучшие песни из своего репертуара исполнил солист ансамбля “Хаверим” Михаил Корастышевский под аккомпанемент Зория Харлампида.

А Инна Корсунская подготовила к юбилею прекрасно оформленный альбом фотографий многого из того, что сделали «золотые руки» кружковцев за пять лет. А то, что уже сейчас делается и будет сделано, мы еще увидим и порадуемся этим рукотворным чудесам.

Анна Розен

Приглашение к положительным эмоциям

С возрастом, к сожалению, нас иногда начинает огорчать состояние здоровья. А к докторам не всегда хочется обращаться, хотя это обязательно нужно. Некоторая альтернатива, правда, отнюдь не исключая обращение к медикам, есть для клиентов Хеседа. Я имею в виду кружок “Исцели себя сам”, который работает при Культурном центре Хеседа.

Руководит кружком имеющая диплом международного образца

“Народный целитель” София Абрамовна Подгорная, человек неординарный, увлеченный и талантливый. Она всесторонне знает свое дело и, тем не менее, постоянно совершенствует свои познания для того, чтобы щедро и результативно делиться с теми, кто с полным доверием к ней посещает занятия кружка.

София Абрамовна разработала специальную программу, которая состоит из психологических и

физических упражнений, весьма полезных для пожилых людей, заботившихся о своем здоровье.

На занятиях кружка неизменно царит атмосфера взаимопонимания, и категорически отвергаются любые проявления какого-либо негатива. Потому-то мы всегда заряжаемся здесь положительными эмоциями до следующего занятия и приглашаем приходиться к нам каждый четверг с 12-00 до 14-30.

Надежда Гасилина

Уроки языка идиш

Три формы прошедшего времени

Урок 28

Множественно-прошедшее время

Для выражения прошедшего времени глаголов в идише существуют три формы. Они называются: многократно-прошедшее, общепрошедшее и предпрошедшее. Каждая из этих форм выражает свой особый смысловой оттенок прошедшего действия. Все они соответствуют единой форме прошедшего времени в русском языке.

1) Я делал задания ежедневно (многократно-прошедшее время)	1) איך פלעג מאכן די אופגאבעס יעדן טאג (פילמאליקע סאר-גאנגענהייט)
2) Я (с)делал задания (общепрошедшее время)	2) איך האב נעמאכט די אופגאבעס (געוויינלעכע פארגאנגענהייט)
3) Ещё до того, как он пришел ко мне, я уже сделал все задания (предпрошедшее время)	3) נאך איידער ער איז צו מיר געקומען, האב איך שוין געהאט געמאכט אלע אופגאבעס (פרי-ערדיקע פארגאנגענהייט)

Форма многократно-прошедшего времени указывает на то, что действие, выраженное основным глаголом, неоднократно повторялось. Эта форма обычно сочетается с такими словами, как „бывало“, „ежедневно“, „часто“, „время от времени“ и т.п.

Форма многократно-прошедшего времени состоит из вспомогательного глагола **פלעגן** и неопределенной формы основного глагола:

Единственное число

אינצאל

1. Я часто бывал в Москве	1. איך פלעג אפט זיין אין מאָס-קױע
2. Ты часто ходил в кино?	2. דו פלעגסט אפט גיין אין קינא?
3. Он часто приходил ко мне	3. ער פלעגט אפט קומען צו מיר

Множественное число

מערצאל

1. Мы каждый день ходили гулять	1. מיר פלעגן יעדן טאג גיין שפא-צירן
2. Вы регулярно получали журнал?	2. איר פלעגט רעגולאר באקומען דעם זשורנאל?
3. Каждое воскресенье они ездили домой	3. זיי פלעגן יעדן זונטיק פאָרן אהיים

“ П о в е с т ь о п а д а ю щ и х я б л о к а х ”

Когда мы читаем стихи или прозу полюбившегося нам автора, возникает желание, если это возможно, увидеть его, пообщаться, понять, каков он. Уверена, каждый творческий человек хотя бы частично, но отражает в произведениях свою жизнь, мировоззрение.

“В каждом образе, несомненно, есть частичка меня”, — говорит о себе Людмила Шарга, творчество которой часто уводит читателя в неизведанные миры. Ведь мы привыкли жить, как дышать, и подчас, забывая о мимолетности бытия, превращаем жизнь в обыденность, не замечая волшебства неповторимого мига, приносящего нам красоту тихо падающего снега, нитей дождя, соединяющих небо с землей или яркости напояющего летним солнцем осеннего листа, упавшего к нашим ногам.

Людмила обладает умением не только слушать и смотреть, но, что значительно важнее, слышать и видеть. Человек она приветливый, тактичный и внешне очень сдержанна. Она не любит пустых разговоров о литературе, не переносит пошлости. Субъективно относится к разного рода конкурсам и поэтическим соревнованиям, считая, что само по себе творчество подобно цветовой гамме палитры. Ведь нельзя сказать, что красный цвет лучше белого или важнее черного. Через конкурсы и фестивали можно пройти только раз, чтобы понять — это не твое. Она сторонится тех, кто всегда “знает, как надо”. Для нее стихи и жизнь — одно целое. Они не приходят по расписанию. Строки могут прийти в любой миг, либо долгое время не приходиться вовсе.

В стенах Культурного центра Людмила выступала уже не однажды, вызывая искренний интерес неизменно заполненного зала. На этот раз в содружестве с артисткой филармонии и близким другом Еленой Кукловой она представила свою новую книгу «Повесть о падающих яблоках». С детства мы привыкли относиться к книгам, как к живым существам, которые можно погладить, послушать тихий шорох страниц и, перелистывая, заглянуть в любую из них. Эта книга не такая. Эта книга электронная и обусловлено такое ее появление тем, что нынче печатные тиражи невелики, а времени на чтение практически нет. Люди живут на неслыханных скоростях и лучший способ найти своего читателя — это почти вездесущий сегодня интернет. Эта книга уже вторая. Первая “Рукой подать” была полностью посвящена поэзии.

Задумывалась книга “Яблок” давно. Долго писалась и осталась не законченной. Зато родилась новая. У читателей может возникнуть вопрос: почему яблоки? Прежде всего, яблоня — любимое дерево Людмилы. Автор сравнивает людей с яблоками на ветвях деревьев. У каждого своя судьба — кому цветком опасть, кому завязью, кого ветер сорвет, кого червоточина тронет, а кто-то, дождавшись зрелости, упадет в траву и из семечек новая

поросль поднимется и продолжит жизнь на земле. Есть у яблок и своя многовековая история. Это — молодильные яблоки из сказок, эллинское яблоко раздора. Оно позволило сделать уникальное открытие, упав на голову Ньютона. Первым деревом, посаженным переселенцами в Америке, тоже была яблоня. Её плод стал символом Нью-Йорка. Также оно стало символом любви, молодости, бессмертия, познания и власти. Оно было на земле раньше нас и будет после.

История с яблоками началась для Людмилы еще в детстве. Российская глубинка. Люде было три года, когда отца направили на работу в новую сельскую школу. Дом стоял на тропинке, разделяющей вишневый и яблоневые сады. По ней был сделан первый шаг по дороге в школу, и по ней же она однажды ушла из дома в другую жизнь. А до тех пор было окно, выходящее в яблоневый сад. Это пространство с садом и высоким звездным небом получило название королевство Высокой травы. “... Медовый воздух будто загустел и яблоки в садах ночами падают”. Прошли годы — и родилась книга рассказов и повестей о человеческих судьбах.

В разделе “Путевые заметки” она открывает свою трепетную душу, делится самым близким, рассказывая об Одессе. “Ведь бывает иногда, нас выбирают города”. Чувствуя себя одесситкой по духу, глядя из вагона на одесские развалины, Людмила сравнивает их с развалинами Корсуни и Пантикалея. Прикоснувшись к ним, можно ощутить в древнем камне многовековую энергию солнца. Эти руины несут в себе гармонию живших здесь когда-то людей. А нашу романтическую красавицу не берегут, безжалостно и бездумно разрушая ее хрупкую красоту. “В тысячный раз спрашиваю себя — неужели эти жуткие, заброшенные останки зданий тоже Одесса?”.

Одна из заметок посвящена маленькому городку под Калугой — Тарусе, который уже много лет хранит память о выдающихся людях, живших в нем. На перепутье окских ветров стоит, подобно тонкой свечке, памятник неповторимому поэту Марине Цветаевой, каменные волны ступеней которого омывают ее босоноготью. Недавно был поставлен памятник Константину Паустовскому. К этому хочется прикоснуться душой и молча постоять перед открывающимся простором, “где синь небесная стекает в темную, прохладную тревогу Оки”. Хочется глубоко вдохнуть напояющий осеннюю крепкий и прозрачный воздух, полюбоваться пустынными тарускими улицами, деревянными, в резных наличниках-кокошниках окнами и, конечно же, котами на завалинках, один из которых хоть и откликнулся на зов, но есть предложенный пряник не стал. Негоже хищника кормить чем попало.

В доме Марины Цветаевой Людмилу привлекло потемневшее от времени зеркало, вобравшее в себя отражение всех живущих здесь когда-то. Конец одного из переулков у реки Таруски привел ее к дому Паустовского, недавно ставшего музеем. Яркий осенний сад, заполненный

веселым разноцветьем астр, куст калины под окном, золотое свечение осенней листвы, непередаваемое ощущение того, что вот сейчас отворится дверь и выйдет немного уставший Странник. И над всем этим витает особый дух жившего здесь человека, оставившего добрый, светлый след на земле. Внезапно обрушившийся снегопад превращает все в зимнюю сказку, из которой скорый поезд увозит в осеннюю сказку Одессы, где идет дождь и “По Пушкинской стекает платановое золото, смешанное с дождевой водой, стекает под ноги пешеходов, а они не замечают — привыкли...”

На стихи Л.Шарга московский бард А. Петров написал несколько песен. Это, конечно же, песни о нашем городе, из которого сбежать невозможно. “Признаюсь, без города этого я просто уже не смогу”, — понимает поэт. Здесь каждую чайку она знает по имени, нагнувшись, гладит набежавшую морскую волну. Здесь знакомы улицы, переулки, лица людей, а по ночам будит тревожный голос маяка. Среди песен есть и “немеркнущая Визбора звезда”, посвященная барду эпохи, которого автор знала лично. Песни лиричны, созерцательно-раздумчивы, наполнены искренним теплом и любовью.

Четыре года назад Людмила, мечтая о своем сайте, стала руководителем творческой гостиной “Дилижанс”. Это был совместный проект с литературным кафе “Мастер и Маргарита”. Пути “Дилижанса” измеряются не милями и верстами, а поэзией, музыкой, живописью и остановками, на которых были встречи, посвященные А. Блоку, Н. Гумилеву, М. Булгакову. Была здесь встреча-вечер “Другие песни об Одессе” с участием барда А. Петрова и несколько встреч из цикла “Остановка по требованию сердца”, среди которых и недавно состоявшаяся презентация Международной литературно-публицистической газеты “Интеллигент-Москва”, вызвавшая немалый интерес среди читателей. В одном из последних номеров этой газеты было опубликовано интервью с Людмилой Шарга, взятое талантливым поэтом, живущим ныне в Америке, Верой Зубаревой, которая не однажды представляла свои книги в Культурном центре Хеседа. Именно оно и авторское выступление перед нашими гостями легли в основу этой статьи, в которой автор постарался расширить знакомство с творчеством и жизненной позицией талантливого поэта, прозаика и очень интересного человека.

В жизни немаловажную роль играют те, кто близок нам по духу и, несмотря на различия характеров, увлечений и творческих направлений, всегда поймет тебя с полуслова, с полувзгляда и в нужную минуту станет рядом. Ярким примером тому стало содружество Людмилы Шарга, Елены Кукловой и Веры Зубаревой.

Когда однажды и навсегда заболевшую стихами Людмилу спросили, что для нее поэзия, задумавшись на мгновение, она ответила: “Трудно говорить о таком... Возможно, это отражение, мироощущение, потребность гармонии... Поэзия... Ею можно дышать и нельзя надыхаться, в каждой строчке заключен мир, Вселенная”.

Евгения Лукьянова

“ М О И О Д Е С С И Т Ы ”

В Культурном центре Хеседа состоялась презентация книги Михаила Гаузнера «Мои одесситы». Отдельные вошедшие в книгу и ранее опубликованные очерки я читала с интересом, так как, во — первых, сюжеты очень содержательны, во-вторых, доброта и любовь автора к своим героям настолько очевидна, что заставляет и нас, читателей, их полюбить, и наконец, в-третьих, язык повествования красив и лёгок — читаешь, и хочется читать и читать...

Я знаю, что Михаил Яковлевич работал над созданием книги с присущим ему чувством увлеченности и ответственности, продумывал её построение и тщательно отбирал фотографии. Эта кропотливая работа соответствовала его настроению и зову сердца — ведь книга посвящена светлой памяти незабвенной жены и друга — Берты...

И вот наступил этот день. В уютном зале встретились друзья его молодости, сотрудники по многолетней конструкторской работе на заводе радиально-сверлильных станков, учителя — недавние коллеги Берты Ефимовны, участники поэтической студии «Откровение», члены клуба «Одессика».

Михаил выглядел торжественно и строго. Перед ним на столике высились солидная стопка новеньких книг, одна из которых своей интересной, с коллажем из фотографий обложкой была повернута к залу. На фортепиано в высоких вазах — белые и малиновые осенние цветы. В зале витало тёплое настроение ожидаемого праздника.

Презентацию открыла руководитель Культурного центра, заслуженный работник культуры Украины Анна Розен. Она рассказала об авторе, его жизненном пути, достоинствах и талантах. Прологом к рассказу Михаила о героях его книги стали попури на тему одесских мелодий.

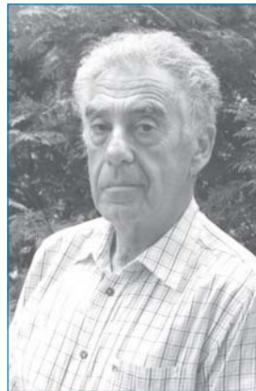
А затем последовала исповедь автора об интересной творческой жизни, о прекрасных дедушке и бабушке, родителях, друзьях, любви, семье...

Михаил Яковлевич так построил своё выступление, что его речь мягко переходила в прочтение отрывков из книги, а в моём сознании возникали колоритные образы его героев. Повествование иллюстрировалось старинными и современными фотографиями, что, безусловно, усиливало эффект рассказа.

Образы самых родных людей Михаила, их жизненные истории вызвали у меня огромную к ним симпатию, уважение, и стало понятно, откуда у нашего друга такая удивительная интеллигентность, скромность и порядочность.

Несомненно, образ Берты Ефимовны Гаузнер, прекрасного человека, Учителя «от Бога», красивой женщины — это отдельная и очень трогательная тема книги. Светлая ей память...

Михаил тепло и трепетно рассказал об ушедших друзьях — Лёке Розентале, которого многие из сидящих в зале знали и любили, о Марке Дворницком, добровольно

ушедшем на фронт в 17 лет. О Евгении Марголине — самом близком друге — его обаянии и незаурядном литературном таланте был отдельный рассказ. К одному из наиболее лирических стихотворений Евгения была написана музыка

О. Шаповаловым — получился прекрасный романс. Он прозвучал под аккомпанемент Анны Розен в исполнении лауреата международных и всеукраинских конкурсов Иосифа Жеребкера, вызвав благодарные аплодисменты.

Тепло рассказал Михаил о своей однокурснице, прекрасном поэте Майе Яворовской, ее искренних, наполненных большим чувством стихах.

Стихи Евгения Марголина, Майи Яворовской, а также переведенные Михаилом Гаузнером стихотворения Г. Гейне, Р. Киплинга и А. Мицкевича проникновенно и

как всегда профессионально прочитала лауреат литературных конкурсов Елена Куклова.

На следующий день после встречи-презентации я узнала, что в зале вместе с нами была дочь Михаила Яковлевича — Елена Михайловна, замечательный человек и доктор, врач — кардиолог, а также внук Павел. Жаль, что мы не познакомились, очень хотелось. Хотя, значит, всё у нас ещё впереди — жизнь продолжается!

Ирина Ковлакова

Наша гостинная

Дорогие друзья! Обычно мы приходим в ваш дом, задаем вопросы, интересуемся делами, проблемами. Теперь вы стали нашими постоянными гостями, и на любые ваши вопросы — приятные и неприятные, сложные и простые — мы постараемся отвечать вам в уютной гостиной, которая будет регулярно открывать перед вами свои двери на страницах нашей газеты. Мы рады гостям, и вам всегда здесь окажут самый теплый прием.

ВНИМАНИЕ!

Хесед начинает оплачивать стоимость медикаментов, приобретаемых в аптеках «Фармации», и продуктов, приобретаемых в сети супермаркетов «Копейка» за четвертый квартал 2013 года (октябрь, ноябрь, декабрь).

Публикуем суммы, выделенные в этом квартале в соответствии с категориями нуждаемости, наличием и отсутствием статуса «жертва нацизма» и семейным положением клиентов.

«Медикаменты»

«Жертвы нацизма»:

1-я категория нуждаемости: одинокие и узники гетто — 450 грн., не одинокие — 420 грн.

2-я категория нуждаемости: одинокие — 350 грн., не одинокие — 320 грн.

3-я категория нуждаемости: одинокие — 250 грн., не одинокие — 200 грн.

Не «жертвы нацизма»:

1-я категория нуждаемости: одинокие — 200 грн., не одинокие — 150 грн.

«Клиенты ВІЕ»

1-я категория нуждаемости: одинокие — 340 грн.,

не одинокие — 290 грн.

2-я категория нуждаемости:

одинокие — 400 грн.,

не одинокие — 360 грн.

Праведники мира — 450 грн.

«Магазин»

«Жертвы нацизма»:

1-я категория нуждаемости: одинокие и узники гетто — 1000 грн., не одинокие — 900 грн.

2-я категория нуждаемости: одинокие — 800 грн., не одинокие — 700 грн.

3-я категория нуждаемости:

одинокие — 500 грн.,

не одинокие — 450 грн.

Праведники мира — 1000 грн.

Не «жертвы нацизма»

1-я категория нуждаемости:

одинокие — 250 грн.,

не одинокие — 200 грн.

2-я категория нуждаемости:

одинокие — 150 грн.,

не одинокие — 120 грн.

«Продуктовые наборы»

(октябрь)

«Жертвы нацизма»:

1-я категория нуждаемости — 300 грн.

2-я категория нуждаемости — 250 грн.

«Не жертвы нацизма»:

1-я категория нуждаемости — 250 грн.

(один раз в квартал)

ВІЕ — 420 грн. (один раз в квартал)

«Продуктовые наборы»

(ноябрь-декабрь)

«Жертвы нацизма»:

1-я категория нуждаемости — 700 грн.

2-я категория нуждаемости — 550 грн.

«Посылки»

«Жертвы нацизма»:

1-я категория нуждаемости:

одинокие — 1000 грн.,

не одинокие — 900 грн.

2-я категория нуждаемости:

одинокие — 800 грн.,

не одинокие — 700 грн.

3-я категория нуждаемости:

одинокие — 500 грн.,

не одинокие — 450 грн.

«Не жертвы нацизма»:

1-я категория нуждаемости:

одинокие — 250 грн.,

не одинокие — 200 грн.

2-я категория нуждаемости:

одинокие — 150 грн.,

не одинокие — 120 грн.

«Клиенты ВІЕ»

1-я категория нуждаемости:

НЖН одинокие — 420 грн.,

НЖН не одинокие — 370 грн.

2-я категория нуждаемости:

НЖН одинокие — 352 грн.,

НЖН не одинокие — 352 грн.

Уважаемые клиенты!

Продукты на сумму, указанную в карточке, просьба приобрести в торговой сети «Копейка», лекарства — в аптеках «Фармации» до 25 ноября 2013 г.

Это нужно знать

Как правильно измерять артериальное давление

Во многих домах, где есть гипертоники, сейчас имеются приборы для измерения артериального давления — тонометры. С их помощью достаточно просто измерить себе и близким давление. Нужно только знать несколько простых правил.

Артериальное давление — один из основных показателей деятельности сердечно-сосудистой системы человека, которое может изменяться при многих заболеваниях. Различают два показателя артериального давления:

— систолическое (верхнее) — уровень давления крови в момент максимального сокращения сердца;

— диастолическое (нижнее) — уровень давления крови в момент максимального расслабления сердца.

Давление измеряется в сидячем и лежачем положении

· Для измерения давления необходимо сесть на стул справа от стола, спиной опереться на спинку стула, ноги поставить на пол и освободить руку. Манжетка надевается на плечо так, чтобы она располагалась на одной линии с сердцем и плотно закрепляется. Обязательно нужно проследить за тем, чтобы между манжеткой и кожей можно было просунуть только один палец.

· Перед тем, как накачать в манжету воздух, необходимо расслабить мышцы, разогнуть руку и положить ее на стол ладонью вверх. Под локоть можно положить небольшую подушечку для того,

чтобы мембрана фонендоскопа как можно плотнее прилегла к максимально разогнутому локтевому сгибу.

· Только после того, как вы убедились в том, что стрелка манометра находится на нулевой отметке шкалы тонометра, нужно перекрыть вентиль на груше и начать накачивать воздух в манжету.

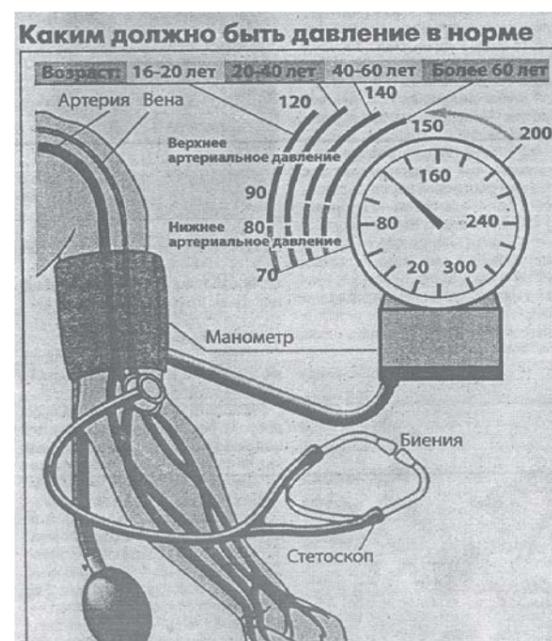
· После этого со скоростью примерно 20 мм ртутного столба в секунду нужно выпускать воздух из манжетки. Первые ритмичные тоны — это верхнее, то есть систолическое давление, последние тоны — нижнее, это диастолическое давление.

Основные ошибки при измерении давления

Рука находится ниже уровня сердца. При таком положении результат измерения давления будет завышен. Необходимо изменить положение руки так, чтобы середина плеча располагалась на уровне сердца.

Рука находится выше уровня сердца. В этом случае результат измерения давления будет занижен. Для получения правильного результата нужно изменить положение руки таким образом, чтобы середина плеча располагалась на уровне сердца.

Отсутствует опора для спины. При этом результат измерения давления тоже будет завышен. Требуется изменить положение, добавив или использовав имеющуюся опору для спины.

Аритмия. Результаты измерения давления постоянно меняются. Для получения правильного результата нужно измерить давление несколько раз и вычислить среднее его значение.

Манжетка надета слишком туго. При этом результат измерения давления будет завышен. Нужно надеть манжетку так, чтобы она держалась на руке плотно, но не туго.

ТУРБОТА
Про літніх
в Україні

Проект
"Уходящее поколение"

TREFFPUNKT МЕСТО ВСТРЕЧИ
DIALOG: ДИАЛОГ

Програма підтримки Фонду EVZ
STIFTUNG
ERINNERUNG
VERANTWORTUNG
ZUKUNFT

Вспоминать тяжело, забывать нельзя

На всю жизнь мне запомнились трудные годы немецко-фашистской оккупации Одесщины 1941-1944 гг. Недалеко от сел Анетовка, Чубаровка и Щуцкое оккупанты устроили лагерь смерти Богдановка. Мимо этих сел по пути в лагерь проходили колонны узников. Местные полицаи и охрана строго следили за тем, чтобы сельские жители не приближались к пленным, угрожая расстрелом. Однако сельчане часто нарушали этот запрет, пытаясь хотя бы чем-то помочь несчастным людям. Больно было смотреть на стариков, которые шли, придерживаясь друг за друга, на детей, которые дрожали от холода и страха. Мы, сельские ребята, ухитрялись бросать этим людям вареную картошку, свеклу, кукурузу, макуху, сухари.

Однажды, не доезжая до села Чубаровка, мы подобрали пятерых — двух мужчин и трех женщин, опухших от голода и холода. Они умоляли нас спасти их, цеплялись за сани и конскую упряжку. Доехав до Чубаровки, я побежал к нашему родственнику Ивану Гиштымулту и попросил его пока разместить беженцев в сарае, где находились корова, теленок и поросята, пообещав ночью перевезти к себе домой.

Мальчика Гришу мы отвезли в Анетовку, оставили там в семье Бондаренко, а сами поехали за его матерью в поле. С трудом нашли ее, покормили, посадили в сани, накрыли сеном и повезли к Бондаренко.

Затем, все рассказав своей маме, я перевез к нам домой от родственника Ивана Гиштымулту двух мужчин и больную женщину. Фамилии мы тогда не спрашивали. Через несколько дней ночью пришли к нам полицаи, стучали в окна, грозились выбить двери, наверное, что-то заподозрили. Мы были очень напуганы, потому что за укрывательство евреев был страшный приговор. Нужно было хотя бы на время куда-то определить беженцев. Днем я пошел в село Щуцкое к своим родственникам и однокласснице Кате Кузьменко, умолял ее сохранить жизнь нашим спасенным. Она поговорила со своими родными, и они согласились принять мужчину и женщину, мотивируя, что их можно представить как родственников — мужа и жену из Николаева.

Еще помню случай, когда мы в скирде соломы у села Анетовка обнаружили семнадцать человек, которым удалось бежать из колонны евреев. Трех человек мы с моим другом Колькой забрали. Двух ребят я завез к себе домой, где мама поместила их в хлеву. А Колька взял к себе одного старика.

Вечером мы поехали забрать остальных четырнадцать человек, но не успели. С ними расправились два подростка из числа немецких

колонистов, которые сначала раздели насчастных, а потом беженцев расстреляли. На все это страшно было смотреть.

В те годы никто не спрашивал имен и фамилий спасенных людей. Еврейские имена — Ида, Софа, Роза — менялись на русские и украинские. Кое-кому из спасенных удалось достать "липовые документы", благодаря которым они могли вернуться к себе домой. Многие из тех, кто бежали из гетто и концлагеря, погибли, замерзли в пустынной и холодной степи, увязали и потом тонули в болотах, были растерзаны зверями. Спаслись удавалось в основном тем, кому помогали в этом простые люди, неравнодушные к чужим страданиям, подвергавшие риску собственную жизнь и жизнь своих детей.

Шесть историй тех страшных лет навсегда остались в моей памяти.

История первая

По дороге смерти из Доманевки в Акмечетку гнали евреев этапом целый день. Вечером, когда стемнело, Железняк Роза и ее трое детей Суня, Пиня и Кея убежали в лес. Ночевали в лесу, а утром пришли в мое село Анетовка. Наш дом был на окраине и они, конечно, попросили их спрятать, что мы и сделали. Разместили в подвале, где в зимнее время мы хранили пчелиные улья.

На второй день беженцев искали румыны и, поскольку наш дом был крайний, заехали оккупанты к нам, спросили: «Унды юда?» Я ответил, «что они побежал в сторону колхоза. Таким образом, отвел подозрения от моих родных. Семья Розы Железняк долгое время пряталась у нас, а потом, когда пали подозрения на нашу семью, пришлось попросить односельчан предоставить убежище беженцам. Спасли мы четырех человек.

История вторая

Я был ездовым и возил корма для животных. Летом заготавливали сено, а зимой со скирды брали сено и возили на ферму. В один из дней мы с другом заготавливали сено и в копне

нашли мальчика 10-12 лет. Он был полуживой, мы накормили его тем, что у нас было, и расспросили. Выяснилось, что он бежал из гетто вместе с тетей и мамой. Он решил, что мама и тетя умерли с голоду и где-то рядом находятся. Мы занялись поиском, вблизи нашли труп тети, которую убили немцы, а мать мальчика успела спрятаться в кустах и осталась живой. Ночью мать и сына мы перевезли в деревню, они жили у нас, затем у наших родственников, то есть приходилось переводить и менять убежища. наших спасенных звали Ида и Григорий Круковер. Еще две спасенные жизни.

История третья

Однажды, поехав за сеном, я обнаружил в скирде пять человек, которые бежали из лагеря в Богдановке. Как потом выяснилось, это были супруги Литовченко и Гутельман или Нафман — теперь, через годы мне сложно вспомнить фамилию. С ними еще была женщина, которая умерла. Сначала мы разместили спасенных в коровнике.

Моя мама готовила, я в ночное время носил им еду и одежду. По очереди они приходили к нам мыться и обогреваться, иногда даже ночевали у нас. Но потом мы оказались в числе подозреваемых и нам пришлось вновь обратиться за помощью к родственникам, у которых в дальнейшем жили две супружеские пары. Четыре спасенных жизни!

История четвертая

Через наше село Анетовка этапом гнали евреев в гетто Доманевка, Богдановка, Акмечетка. После одного ночного этапа дед мне сказал, что была стрельба и ты, Василий, становись на лыжи и прогуляйся к скирде соломы. Я не решился один ехать и попросил друга Кольку пойти вместе со мной. Мы ужаснулись увиденному, в скирде лежали замерзшие и умершие от голода люди, а среди них — три живых человека. Осталось в памяти, что одна из них была ранена в ногу. По дороге после ночного этапа оставалось очень много трупов. На одной, вроде бы, мертвой женщине что-то шевелилось. Я остановился, присмотрелся и увидел маленького ребенка, где-то двух лет. Женщину мы забрали к себе, мама сделала ей перевязку, а ребенка взял сосед Гаврила Избаш. У нас тогда еще находилась семья Розы Железняк.

История пятая

Зимой я часто ходил в лес, и ставил там капканы на зайцев, что очень помогло моей семье и нашим беженцам выжить в те голодные годы. Однажды в скирде соломы я обнаружил двух военнопленных и трех евреев, которые, как оказалось, бежали из Доманевки. Но привезти

их домой не было возможности. У нас уже жили люди, да и был большой риск. В село нагнали много румын. Я все-таки ухитрился ночью привозить оставшимся в скирде еду и питье. В селе была связь с партизанами, я сообщил, что в скирде прячутся люди, и мы им сейчас не можем помочь. Через несколько дней их забрали партизаны. Так было спасено еще пять жизней.

История шестая

В камышах нашел полуживого парня, который потом представился Хаимом Хайциным. Он жил у нас в сарае вместе с овцами. Весной, когда прекратились расстрелы евреев, он был пастухом в селе. Затем он познакомился с Розой Железняк, они поженились. У них родилась дочь Лиля. Сейчас она пишется Елизавета Гамбарян, живет в Одессе.

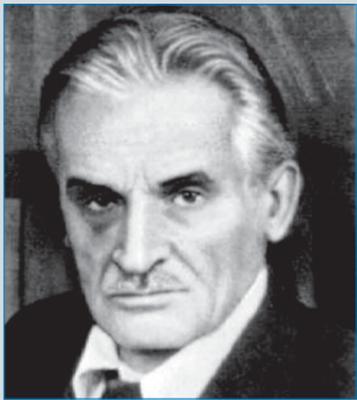
Прошло много десятилетий. Не все спасенные говорили фамилии, да и мы не всегда спрашивали. Со многими после войны общались, поддерживали связи, а потом, когда евреям разрешили выезжать в Израиль, — со многими прервалась связь. Моя семья Волошиных спасла, как я помню, семнадцать человек, сейчас сложно точно сказать. Ведь мы тогда не думали о наградах и благодарностях, думали о том, чтобы в тайне сохранить пребывание евреев в нашем доме.

Помню, как родителям да и мне досталось от румын — били нагайкой. Когда я был в охоте, встретился с немцем-колонистом, который пытался меня пристрелить, так как ходили слухи в селе, что мы спасаем евреев. Чудом остался живой, страшно об этом вспоминать.

Мне 85 лет, я родился в 1928 году. Но во время войны, чтобы меня не угнали в Германию, мама записала, что я 1930 года рождения.

Теперь все это уже далекая история, которую вспоминать тяжело, а забывать нельзя.

Василий Волошин

В 1960-х годах вышла книга «Ни дня без строчки», составленная талантливым писателем и литературоведом Виктором Шкловским из дневниковых записей и фрагментов прозы Юрия Олеши. Позже она вышла под названием «Книга прощания» и была дополнена записями, которые раньше не публиковались по цензурным соображениям.

В этой книге — оригинальные трактовки событий «большой жизни» и лирическая исповедь, воспоминания об Одессе, размышления о смысле жизни и литературном процессе.

Однажды, когда я был маленьким мальчиком, легши спать, я вдруг услышал совсем близко от себя какой-то звук — глухой, но очень четкий, одинаково повторяющийся. Я стал теревить одеяло, простыню, убежденный, что из складок выпадет, может быть, жук или какая-нибудь игрушка, машинка. Я заглянул под подушку... ничего не обнаружилось. Я лег, звук опять дал о себе знать. Вдруг он исчез, вдруг опять стал раздаваться.

— Бабушка, — обратился я к бабушке, с которой спал в одной комнате. — Ты слышишь?

Нет, бабушка ничего не слышала. И вдруг, как будто извне, пришло понимание, что это я слышу звук моего сердца. Это понимание не удивило меня и не испугало. Признание правильности того, что во мне бьется сердце, пришло ко мне с таким спокойствием, как будто я знал об этом факте уже давно, хотя с этим фактом я столкнулся только что и впервые.

Прощай, дорога на Ланжерон, прощай!

Там, у самого начала, стояла не парадно-белая, скорее, гипсовая, а не мраморная арка — как бы часть какого-то виадука. Там, под этими известняковыми сводами, ютились лавочки — скорее, просто продажа чего-то: кваса, пряников, может быть, дешевых ракет.

Прощай, дорога на Ланжерон, прощай!

Тот мир был совсем иной. Маленькое, все в клумбах, плоскогорье парка отделялось от спуска в порт — да просто от самого порта с пароходами, морем, волнорезом, маяком — старой порывавшей каменной стеной с арками в ней. Из стены и многолетних наслоений на ее камнях росли нежно дрожавшие под ветром цветы. Шорох гравия никогда не прекращался здесь под стеной. Сюда подходили смотревшие на море и отходили, здесь играли дети...

В Одессе мы катались по морю на плоскодонках. Это большие, тяжелые

Юрий Олеша “Книга прощания”

лодки без килля, а именно с плоским дном — нечто вроде воза, снятого с колес и брошенного на волны. Они были грубо окрашены в красное и синее и приводились в движение благодаря веслам, огромным, тяжелым, привязанным к уключине с такой мощностью, как привязывают, по крайней мере, быков. На дне лодки всегда было много воды, и в этой луже плавали тряпки, красные остатки креветок, бутылка. Плоскодонка скользила, неслась по волнам. Что-то было из греческих мифов во внешнем виде этих лодок. Помню до сих пор, как будто видел вчера, похожие на груши коричневые икры бегущих за лодкой, чтобы вскочить в нее, рыбаков.

Лодка называлась «тузик». Это скорлупка. Однако с килем. Ее ребра виднелись изнутри — серо-белые, как кости. Два весла, одно слева, чуть ближе к носу, другое справа — ближе к корме, иноходь.

Обычно он ожидал нас в порту недалеко от целого леса свай, в одном и том же месте. Он был привязан к тумбе на набережной, веревка то и дело соприкасалась с водой; разъединяясь, они, казалось, целуются. Мы подтягивали лодку к набережной, шагали в нее. Она давала крен — в одну сторону, в другую. Мы брались за весла, которые в первые мгновения кажутся особенно круглыми.

Да, ведь имелся еще руль! От руля к рулевому шли веревочки — в каждую руку по веревочке. Они проходили под локтями, из-за спины, так как рулевой, как известно, сидит спиной к рулю.

Обычно мы плавали в порту. Порт этот — громадина, это море — особенно для «тузика» и двух мальчиков. Пароход, стоящий на якоре, был, когда мы гребли возле него, по крайней мере, стеною для нас. Да, да, гигантская стена, порывавшая снизу, все более чистая сверху и на самом верху уже элегантно чистая.

Я помню день смерти Толстого. Большая перемена в гимназии, в окна класса падают солнечные столбы сквозь меловую пыль, стоящую в воздухе от того, что кто-то стирает написанное на доске, и вдруг чей-то голос в коридоре:

— Умер Толстой!

Я выбегаю, и уже везде:

— Умер Толстой! Умер Толстой!

И в мою жизнь уже много вместились! Например, день смерти Толстого и, например, тот день, вчера, когда я увидел девушку, читавшую «Анну Каренину» на эскалаторе метро — привыкшую к технике, скользящую, не глядя, рукой по бегущему поручню, не боящуюся оступиться при переходе с эскалатора на твердую почву.

Когда я хочу отчетливо почувствовать, что произошло с техникой, я говорю — останавливаю свое внимание на том обстоятельстве, что я, родившийся через семьдесят девять лет после смерти Наполеона — то есть между этим событием и моим рождением стоит всего один лишь старик, — живу в современности, где один из создателей кибернетики говорит, что принципиально возможна передача человека по телеграфу.

Я, например, с отчетливостью помню появление первых электрических лампочек.

Это были не такого типа лампы, какие мы видим теперь — разом зажигающиеся в наивысшей силе света, а медленно, постепенно достигающие той силы свечения, которая была им положена. Как будто так... Возможно, я путаюсь в воспоминаниях, и на

память мне приходит не домашняя лампа, а какая-то иная, увиденная мною в ту пору; пожалуй, домашние лампы уже в самую раннюю эпоху своего появления были так называемыми экономическими — то есть загорающимися сразу.

Во всяком случае, я помню толпы соседей, приходивших к нам из других квартир смотреть, как горит электрическая лампа.

Она висела над столом в столовой. Никакого абажура не было, лампа была ввинчена в патрон посреди белого диска, который служил отражателем, усилителем света. Надо сказать, весь прибор был сделан неплохо, с индустриальным щегольством. При помощи не менее изящно сделанного блока и хорошего зеленого, круто сплетенного шнура лампу, взяв за диск, можно было поднять и опустить. Свет, конечно, светил голо, резко, как теперь в какой-нибудь проходной будке.

Я помню себя стоящим в толпе на Греческой улице в Одессе и ожидающим, как и вся толпа, появления перед нами вагона трамвая, только сегодня впервые начавшего у нас функционировать. Он появится из-за угла Канатной, но этого угла с позиции, на которой мы стоим, не видно, он слишком отдален, да еще и скрыт в перспективе некоторой горбатостью Строгановского моста — и таким образом мы увидим вагон только тогда, когда он будет уже на середине моста.

Все убеждены, что движение трамвайного вагона необыкновенно быстро, молниеносно, что даже и не приходится думать о том, что можно успеть перебежать улицу.

Трамвай показался на мосту, желто-красный, со стеклянным тамбуром впереди — шедший довольно скоро, но далеко не так, как мы себе представляли. Под наши крики он прошел мимо нас с тамбуром, наполненным людьми, среди которых был и какой-то высокопоставленный священник, кропивший перед собой водой, также градоначальник Толмачев в очках и с рыжеватыми усами. За управлением стоял господин в котелке, и все произносили его имя:

— Легоде.

Это был директор бельгийской компании, соорудившей эту первую трамвайную линию в Одессе.

Было объявлено, что Эрнест Витолло прыгнет на парашюте — разумеется, из воздушного шара, так как о другом способе подняться на воздух еще не было и речи.

Было объявлено, говорю я. Но что это было — афиша или объявление в газете? Не помню... Не было, конечно, тогда и радио. О, и телевизора, конечно! Словом, повторяли: Витолло, Витолло! Как прыгнет? А что это? Как это прыгнет? Витолло!

Воздушный шар засветился в небе вдруг днем, ярким голубым днем посередине неба.

Между прочим, парашют продолжал быть новинкой долгое время, и я помню, что уже когда я был писателем, уже в советское время, уже во время новой техники, я был на аэродроме, пойдя туда тоже во имя того, чтобы дивиться парашюту, и видел, как перед людьми проходил некий, тоже приезжий парашютист, немец, показывавший парашют на своей спине, как в цирке показывают какую-нибудь коробку фокусника, чтобы убедить публику, что ее не обманывают...

Я отыскивал этот иллюзион — именно отыскивал, а не привычно направлялся к нему. Я только знал, что он на Градоначальничкой. Вот кирха, надо обойти кирху. Я обошел, побавиваясь темноты за плечами ее статуй. Весной — и этой весной тоже — появятся цветы в палисаднике перед кирхой, цветы на узких кустах...

Город по ту сторону кирхи был мне неизвестен. Там мне было страшно идти. Почему? Не классовый ли страх более бедных районов?

Так или иначе, но я нашел этот иллюзион. Он назывался «Гигант». По теперешним временам это было обыкновенное кино, по тогдашним — действительно необычно большое...

Маршрут был неизменно один и тот же. Выйдя из ворот нашего дома на Карантиной, я шел налево до пересекающей Греческой, затем направо по Греческой, по Строгановскому мосту и все по Греческой вверх до Ришельевской. Здесь направо — один квартал по Ришельевской — и налево: Дерibasовская.

Это был главный отрезок пути. По величине и по значению. Дерibasовская была главной улицей Одессы, лучше других отделанная и с лучшими магазинами.

Я почти всегда спешил, боясь опоздать, и насколько помню, опоздал только один раз за восемь лет учения.

Путь был обставлен ритуалами, пронизан суеверием, закланиями. Так, например, следовало не пропустить некоторых плиток на тротуаре, во что бы то ни стало ступить на них. Или стоявший на Дерibasовской огромный старый дуб следовало обойти вокруг... Иначе в гимназии могли бы произойти несчастья — получение двойки или что-нибудь в этом роде.

Несколько лучше, чем сейчас, чувствовал я себя в те минуты, когда входил в квартиру Гришки Зильберберга. Вместе с ним, с Гришкой Зильбербергом — шел к нему в гости...

Я чувствовал себя, вероятно, очень хорошо, поскольку я был совсем юн, мальчик — здоровый мальчик, хорошо учившийся и чувствовавший, что впереди много интересного. Зильберберг-отец был богатый человек: у Гришки, например, была собственная комната. Нас встретил беспорядок в этой комнате, и я сказал бы, желтый, деревянный, не мучительный, а скорее привлекательный беспорядок. Мне кажется, что даже была в комнате оставшаяся от детства лошадка на двух желтых деревянных дугах для того, чтобы на ней кататься.

Кондитерская Исаевича помещалась при выходе из сквозного двора костела на Ришельевскую улицу. Какая-то часть той сладости, которая присутствовала в причастии, в обряде похорон с их гиацинтами, кружевными сборками и мухами на лице покойника — была также и в самом духе кондитерской.

В ней продавались маленькие, узкие пирожные на польский манер с плотно склеенными сладостью дощечками теста. Пирожное стоило три копейки — но только для учащихся, для остальных — четыре. Туда шли после уроков со всех сторон гимнaзисты и гимнaзистки. В маленьком полутемном помещении было полно народу. По ту сторону прилавка, на фоне двух узких, еле заметных окон, возвышались хозяин и хозяйка.

Из знаменитых имен моего детства я помню имя Яна Кубелика. Это был прославленный скрипач, чех, приехавший в Россию на гастроли. Я его не слышал и не видел, потому что родители на концерты не ходили, да и ходи они на концерты, тоже меня маленького не взяли бы. Однако, имя это задело мое детское внимание, потому что его часто повторяли дома, за столом. Оно было сенсационно, так как он был небывалый скрипач, как говорили за столом, первый в мире. Мне нравилось, что он именно Кубелик; я не воспринимал эту фамилию как чешскую, и потому она звучала странно, интересно.

Сенсация усилилась, когда распространился по Одессе слух, что некий студент, прослушав концерт Кубелика, застрелился и что Кубелик прислал на его гроб венки.

Кубелик — слышу я в далеком прошлом — Кубелик; вижу скрипку и венки.

Из знаменитых имен было также имя Ивана Заикина, борца. Теперь нет борцов в том цирковом виде, в каком они были тогда. Теперь борьба — еще и спорт, а тогда была только зрелищем, и ее показывали в цирке. Тогда не было, между прочим, и стадионов. В футбол, например, играли почти на пустырях, иногда вытягивающихся горбом и с полевыми цветами среди, разумеется, не подстриженной, как теперь, под ковер травы.

Борцы выступали в трико, большие, белые, похожие на женщин. Иван Заикин был одним из сильнейших мировых борцов. Перед его именем сообщалось, что он волжский богатырь. Я помню как раз случай, когда он был побежден. Он плакал, растирая по лицу слезы, и кричал, что он побежден неправильно, что он постоит за Россию (очевидно, его победил иностранный борец) и еще что-то в патриотическом духе. Вероятно, все это было подстроено, как всегда в цирковых чемпионатах того времени, — мне и тогда почувствовалось притворство. Как теперь вижу, как он ходит по арене, растирая слезы и потом кладя ладони на половинки зада.

— Братцы, я не выдам России! Не выдам!

На завтрак мне давали пять копеек. Это мало, но не так уж мало, поскольку на эту сумму можно было купить, скажем, бублик, яблоко и стакан чаю. Или котлету, на которую уходила, впрочем, вся сумма. Котлета, правда, была хорошая, пухлая, между двумя кружками белого хлеба, хорошо пахнущимся жиром котлеты. Никогда не забуду, что стакан чаю стоил копейку. Все-таки стакан горячего, сладкого чаю!

Разумеется, это было мало — пять копеек. Мало, потому что начинало хотеться есть к первой перемене... На ней уже покупалось, скажем, яблоко. На второй перемене съедали, скажем, бублик. К большой перемене, во время которой и полагалось, собственно, есть, уже ничего не оставалось. А между тем к большой перемене привозили завтрак богатому Агаркову. Когда мы вбегали в зал, судок с этим завтраком уже стоял на столе. Иногда даже два судка. Они были плоские, две серебряные черепахи — тем более черепахи, что из обоих из-под крышек торчали начала ложек и вилок. При виде этих судков аппетит, конечно, разгорался... Однако от силы, как говорится, оставалась копейка на стакан чаю — запомнившийся мне на всю жизнь граненый и желтый от налитого чаю стакан за копейку, без блюдечка, который приходилось держать пальцами сверху, пока он обжигал паром ладонь. Благословляю тебя, стакан гимназического чая, не покидай моей памяти, не покидай!

И вот чаще всего я не тратил своих пяти копеек на завтрак. Я их откладывал, чтобы к концу недели иметь тридцать копеек. К этим тридцати копейкам еще с большим трудом добывались двадцать, и в субботу я шел в цирк, купив билет, который для гимназистов стоил именно пятьдесят копеек. Как добывались недостающие двадцать — это тема для другого рассказа. Замечу только, что у меня была бабушка, у которой было много серебряной монеты и которая меня любила. Однажды на именины она даже подарила мне золотые пять рублей, маленькое солнце которых, выглядывавшее из-за коричневых складок кошелька, я тоже никогда не забуду, как не забуду и бабушки, лежавшей в гробу, как в легкой лодке.

Цирк

Цирк всегда виднелся сквозь падающий снег. Ну, что ж, всегда была зима, когда был цирк! И я шел сквозь падающий снег, поражаясь снежинкам. И правда, они походили на сооружения техники. Некие гигантские концентрические восьмиугольники, останавливавшие у меня на реснице и не разрушавшиеся, хоть я и дул на них снизу. Поражало меня также, что снежинка, проплывая между фонарем и стеной, бросала на стену тень в виде, по крайней мере, маленького облака. На стене цирка висели афиши с изображением желтых львов и красного укротителя, которое, казалось, двигалось, потому что на нем были и круги, и взвившийся бич, и подкинутые задние ноги льва.

Я хорошо учился, был, как определяли взрослые, умным мальчиком, но в те детские — вернее, уже отроческие годы, никаких предвестий о том, что я буду писателем, я в себе тогда не слышал. Мне хотелось стать циркачом, и именно прыгнуном. Уметь делать сальто-мортале было предметом моих мечтаний. Я пытался научиться этому в гимнастическом зале гимназии, учеником которой я состоял. Однако ничего не получилось, поскольку отсутствовали соответствующие приспособления, которые и не требовались при школьном курсе гимнастики, куда не входила акробатика. Я и не знал, что требуются приспособления, относя этот фантастический прыжок к каким-то таинственным возможностям, заключенным в некоторых людях. Я им завидовал, этим людям. Я их видел в цирке — мальчиков, девочек в белых башмаках, толпу детей, выбегавшую из малиновых ворот кулис на арену и чуть не с хохотом проделывавших передо мной то, что я не мог бы проделать даже в самом необыкновенном сновидении.

Я, между прочим, и теперь иногда сообщаю знакомым, что в детстве умел делать сальто-мортале. Мне верят, и я, вообще не любящий врать, рассказываю даже подробности.

Может быть, эта мечта уметь делать сальто-мортале и была во мне первым движением именно художника, первым проявлением того, что мое внимание направлено в сторону вымысла, в сторону создания нового, необычного, в сторону яркости, красоты.

Футбол только начинался. Считалось, что это детская забава. Взрослые не посещали футбольных матчей. Только изредка можно было увидеть какого-нибудь господина с зонтиком, и без того уже известного всему городу оригинала.

Трибун не было. Какие там трибуны! Само поле не было оборудованным — могло оказаться горбатым, поросшим среди травы полевыми цветами. По бокам стояли скамьи без спинок, просто обыкновенные деревянные плоские скамьи. Большинство зрителей стояло или, особенно по ту сторону ворот, сидело. И что за зрители! Повторяю, мальчики, подростки.

Тем не менее, команды выступали в цветах своих клубов, тем не менее разыгрывался календарь игр, тем не менее выпускались иногда даже афиши.

Мои взрослые не понимали, что это, собственно, такое — этот футбол, на который я уходил каждую субботу и каждое воскресенье.

Играют в мяч... Ногами? Как это ногами? Игра эта представлялась зрителям неэстетической — почти хулиганством: мало ли что придет в голову плохим ученикам, уличным мальчишкам! Напрасно мы пускаем Юру на футбол. Где это происходит? На поле Спортинг-клуба, отвечал я. Где? На поле Спортинг-клуба. Что это? Ничего не понимаю, говорил отец, какое поле?

— Спортинг-клуба, — отвечала со всей твердостью новой культуры.

Одна из особенностей молодости — это, конечно, убежденность в том, что ты бессмертен — и не в каком-нибудь нереальном, отвлеченном смысле, а буквально: "никогда не умрешь!" И это несмотря на свойственную молодости меланхолию, несмотря на мысли о самоубийстве...

Безусловно, я никогда не умру, думал я в молодости. Пока я стану взрослым, пока пройдут годы, что-нибудь изобретут, что не даст людям умирать. Это "пока пройдут годы" представлялось какой-то золотистой городской далью, каким-то городом будущего с обложки фантастического романа, и там, в этой дали, люди уже давно бессмертны! Интересно, что бессмертие представлялось именно как результат какого-то открытия, изобретения. Какие-то большие машины, молнии тока шириной з дерево...

Странно, никто из писателей не отмечает этой уверенности молодых в бессмертии.

В Одессе в те времена февраль, особенно конец его — о, это уже была весна! Во всяком случае, продавали фиалки; во всяком случае, спускаясь по маленьким скалам какого-либо Большефонтанского берега, вы вдруг из-за скалы могли уже увидеть не серый хаос зимнего моря, а само море — синее и свежее, как глаз!

Фиалки продавались букетиками — пять, шесть цветков, которые повисали вокруг вашей руки на тонких стеблях.

Новости Одессы, Украины, мира

На заседании историко-топонимической комиссии одобрен вопрос установки мемориальной доски всемирно известному ювелиру и граверу Израилю Рухомовскому на улице Осипова, 6, где он жил и работал с 1893 по 1896 годы. Рассмотрен вопрос об установке мемориальной доски в честь первого садовника Одессы Ганса Германа.

В одесской библиотеке №29 состоялся финал Фестиваля варенья. В нем приняли участие 24 конкурсанта. Лучшим на Фестивале варенья признано «Шоколадная слива с лесными орехами» Ирины Нерубашенко. Рецепт варенья-лауреата читайте на стр. 8.

Началась реализация новой программы восстановления тротуарного покрытия и благоустройства в центральной части города. Половину Дерибасовской в районе Горсада несколько лет назад вымостили сверхпрочным гранитным покрытием. Таким же гранитом решено вымостить остальную часть улицы.

Утвержден детальный план территории в границах улиц Разумовской, Косвенной, Балковской и Средней. Строительство там планируется за счет реконструкции производственных и коммунально-складских объектов с изменением их назначения для размещения предприятий обслуживания, сноса аварийного, ветхого и малоценного жилого фонда, а также освоения свободных участков.

Более миллиона туристов посетили в этом году Одессу. 38% их составляют туристы из Европы, 30% — из стран СНГ, порядка 11% — американцы и 7% — жители Азии. Туристы продолжают прибывать.

В парламенте Британии 17 октября состоялось официальное открытие "Дней Украины в Великобритании", организованного благотворительным фондом Firtash Foundation при финансовой поддержке GroupDF.

Президент Украины Виктор Янукович подписал указ о последнем призыве и переходе армии на контрактную основу.

Как заявил премьер-министр Украины Николай Азаров, в ближайшие несколько лет Украина может полностью отказаться от импорта газа из России, если действующий газовый контракт не будет пересмотрен.

Кабинет министров одобрил запрет на в Украине синтетических моющих средств и товаров бытовой химии на основе фосфатов. Полностью отказаться от таких товаров планируют в течение семи лет.

На 88-м году жизни скончалась Ольга Аросева, исполнительница роли пани Моники в телепередаче «Кабачок «13 стульев», ролей в кинофильмах «Берегись автомобиля», «Старик-разбойник» и других.

Такие вот стихи. Печальные. Проникновенные. Трудно было представлять страну, которую и любить, и бояться. Трудно не в дипломатическом плане – в человеческом.

АПРЕЛЬ-92

В Каире – Хождение по МИДУ – “Соседи” – Руцкой в Израиле – Помогаю Кобзону вызволить из тюрьмы Калмановича.

Апрель начался с поездки в Каир. Управившись с почтой, превратился в туриста. Каир производит впечатление огромной мощи, силы. Но силы еще не организованной, стихийной. Как и везде на Востоке – контрасты роскоши и бедности, завтрашнего дня и дня позавчерашнего. Людские толпы. Кричащие рекламы. Плохо управляемые потоки машин. Скульптурные и всякие иные напоминания о прошлом величии Египта.

Пирамиды, Сфинкс вблизи выглядят не так импозантно, как на картинках. Для камней время – не доктор. Общий торжественный, даже трепетный настрой, с которым едешь к пирамидам, снижается уймицей туристов, унылыми взглядами обслуживающих их верблюдов и непрерывными требованиями “бакшиша”.

Самое грандиозное впечатление – Каирский музей. Другая цивилизация смотрит на тебя... Другое мироощущение, другое восприятие времени и пространства, другое понимание предназначения человека могли создать этот мир каменных изваяний, странных рисунков, мир мумий и саркофагов. Многие экспозиции пока беспомощны, примитивны, все как бы навалом. Особенно, когда сравниваешь с залами Британского музея. Но этого навала, всего, что осталось в Египте после англичан и прочих любителей древностей, хватит на десятки богатейших музеев.

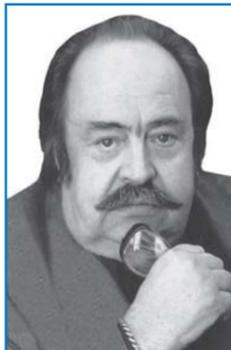
Запомнились каирские мечети. Их много, и они разные. Но вот что одинаково. Когда на улице жара, там терпимо. Можно взять казенный коврик, прилечь где-нибудь под колонной и отдохнуть в прохладе, дарованной Аллахом. Что я и делал с удовольствием.

Съездили в Александрию. Море, солнце, пальмы. Байрам! Вся набережная запружена нарядами людьми. Большое, но практически пустое здание консульства с хорошим садом. Завидно стало. Нам бы такой домик! А здесь некого теперь обслуживать.

Жил в резиденции у посла – Полякова Владимира Порфирьевича. Настоящий карьерный дипломат. Все вокруг чинно и благоговейно. Вечером повар спрашивает: что на завтрак? И утром торжественно вносит желанный омлет. О многом поговорили. Я старательно учился посольской мудрости. Хотя не уверен, что усвоил ее.

9 марта вечером уже был в Москве. Для того, чтобы уладить кадровые и другие по первости неясные вопросы.

По кадрам главное – пробить хотя бы двух специалистов по Израилу. Просил Татьяну Анисимовну Карасову и Валерию Владимировича Афиногенова из Института востоковедения. Знают Израиль. Умные, контактные люди. Валерий вооружен прекрасным ивритом. Но МИД артачился. Своих, говорили, некуда девать, а ты чужих

Александр Бовин Пять лет среди евреев и мидовцев

Начало в №68

берешь. Мне была понятна эта логика. Но и я артачился. Ведь “свои” – это арабисты. Толковые, знающие дипломаты, но десятилетиями воспитывавшиеся в духе борьбы с “сионистским образованием”. И я боялся, что это воспитание, несмотря на новую ситуацию и новые ориентиры, будет сказываться на практической работе. В конце концов кадровики МИДа пошли мне навстречу. И не просчитались. И Карасова, и Афиногенов были в числе основной тягловой силы посольства. Не могу пожаловаться и на арабистов. Хотя на каких-то крутых поворотах, в ходе острых дискуссий иногда проскальзывали антиизраильские нотки. Не у всех, но все же...

Другая кадровая проблема – это так называемые “соседи”, то есть разведчики, работающие под крышей посольства. В принципе тут нет ничего необычного, особенного. В посольствах, если не всех государств, то уж всех “держав” точно, всегда есть и будут разведчики. Это входит в общепринятые правила дипломатической игры. Игроки стараются, само собой, присматривать друг за другом и не нарваться на скандалы. Работать профессионально, без проколов.

В былые времена советская разведка явно перебарщивала по части массовости. И как это ни странно – по части “открытости”. Бывая в посольствах, я всегда удивлялся: любой человек (шофер, врач, уборщица, не говоря уже о настоящих дипломатах или журналистах) был прекрасно осведомлен – кто есть ху. Или, наоборот, – ху есть кто. Предупреждали: с тем-то и тем-то язык не распускай. Но язык распускали другие и в других местах... Возможно, я ошибаюсь, но отсутствие “водонепроницаемых переборок” являлось причиной многих провалов и выдворений. Мне даже пришлось беседовать на эту щекотливую тему с двумя председателями КГБ – Ю.В. Андроповым и В.М. Чебриковым.

Практически, добавлю от себя, “товарищи из органов”, особенно – главные “товарищи”, выступали как своего рода “комиссары” при посла, как “полиция нравов”, хотя их собственные нравы не отличались особой строгостью.

Панкин за то недолгое время, пока он был министром иностранных дел, сумел вывести из-под дипломатической крыши довольно большое число работников спецслужб. “Я хорошо знал на собственном опыте, – писал Панкин в 1994 году, – что бывший КГБ злоупотреблял своим положением, силой и авторитетом. Наше посольство было переполнено “соседями”. Причем, многие из них –

малоквалифицированные люди, которых послали за рубеж по знакомству и которые вели себя так, как будто они хозяева. Я стремился ввести деятельность спецслужб в цивилизованные рамки, сократить их до пределов разумной достаточности, поставить под контроль правительства и общественности”.

И хотя ведомства, руководствуясь корпоративными интересами и законом Паркинсона, стремятся восстановить свои позиции, их сдерживают как финансовые трудности, так, надеюсь, и усиление элементов здравого смысла. Ходят слухи, что Е. М. Примаков, будучи директором Службы внешней разведки, сделал следующее заявление: “Раньше улов тянули сетью, и Бог знает сколько мусора туда попадало. Настало время работать удочкой”.

Итак, рыбаки с удочками. Пожалуйста. Важно, во-первых, чтобы они не были бездельниками и кляузниками. И чтобы удочки забрасывали не внутри посольства, а вне его. Важно, во-вторых, чтобы они знали свое место и, помимо “спецфункций”, добросовестно выполняли свои служебные обязанности. Важно, наконец, чтобы они брали не числом, а умением, были профессионалами высокого класса, а также “просто” порядочными людьми.

Вот с такими мыслями посетил руководителей СВР и ГРУ. Почитал бумаги, которые мои “рыбаки” шлют в Москву. Обсудили квоты и возможные замены.

Несколько дней бродил по мидовским коридорам. Впитывал аппаратную информацию. Утрясал штатное расписание.

На момент разрыва дипломатических отношений (июнь 1967 года) в штатном расписании посольства насчитывалось 20 оперативно-дипломатических работников и 16 – административно-технических. Для Генерального консульства было утверждено 15 оперативно-дипломатических работников и 17 административно-технических. Вот на этих числах, – несмотря на то, что настала эпоха великих сокращений, – я и пытался удержаться. Примерно год продолжалось перетягивание каната. Съезжали до 8 дипломатов. Но все-таки здравый смысл заставил учесть специфику Израиля. 23 февраля 1993 года нам утвердили штатное расписание в количестве 38 единиц (17 дипломатов и 21 административно-технический работник). Даже лишку дали. Но мы об этом никому не сказали.

Поскольку приближался визит вице-президента России в Израиль, посетил А. В. Руцкого. Он произвел впечатление энергичного, но какого-то сумбурного

человека. Увлеченно говорил о сельском хозяйстве, коим тогда руководил. Радостно сообщил мне, что его мать – еврейка.

Единственное, чего я не смог сделать в Москве, – это встретиться со своим министром. Несколько раз стучался. А. В. Козырев был занят. Так и уехал, не солоно хлебавши. 22 вечером был в Тель-Авиве.

Весь конец месяца – большая суета, связанная с визитом Руцкого. Прежде всего необходимо разработать и согласовать программу визита. С кем встречаться, в каком составе, в какое время. Что посещать. Для супруги – отдельно. Размещение. Питание. Транспорт. И еще множество всякой всячины. Все нужно разложить по полочкам (место, время), выделить ответственных людей, четко поставить задачи. С этой “штабной”, как мы ее называли, работой великолепно справлялся советник Виктор Юрьевич Смирнов.

Некоторые вещи решались на основе существующих протокольных шаблонов. Но нередко особенности ситуации, капризы визитеров, случайности разного рода выбивают из шаблонов, заставляют действовать не по стандарту.

Гораздо больше хлопот, чем сам визитер, причиняла его многочисленная, как правило, свита. Энергичные, не очень обремененные тактом люди, напористые, если не сказать – нахальные, требовали повышенного к себе внимания, беспрекословно теребили, нервировали сотрудников посольства.

Хочу подчеркнуть, что к визиту Руцкого мои суждения не относятся. Тут я несколько опережаю события. Этот визит прошел относительно гладко. Посетили президента и премьер-министра, возложили венок, съездили в Хайфу, встретились с одним из “капитанов” израильского бизнеса Ш.Айзенбергом. Единственный прокол – Руцкой приехал к Шамиру не в 8.15, как было положено, а в 8.45. Говорили, что супруга его никак не могла выбрать подходящее платье.

Израильяне, писал я в Москву, несмотря на жесткий цейтнот, сумели обеспечить емкую, политически насыщенную программу. Беседы с израильским руководством, включая лидеров оппозиции, показали, что при любых результатах июньских выборов Иерусалим будет ориентироваться на формирование устойчивых, рассчитанных на далекую перспективу отношений с Москвой.

Большое впечатление, по моим оценкам, произвели здесь заявления вице-президента об особом характере этих отношений как отношений между двумя “великими народами”, которых объединяют не только геополитические факторы, но прежде всего наличие в Израиле более чем полумиллионной общины, связанной с русской историей, русской культурой, русским языком. Складывается впечатление, что в правящих кругах Израиля рассматривают визит Руцкого как свидетельство осознанного намерения российского руководства вывести российско-израильские отношения на новый уровень (тут я, к сожалению, ошибся). **Продолжение следует**

«Шоколадная» слива с лесными орешками»

Рецепт варенья - победителя конкурса

Необходимые продукты:

Слива – 1 кг.
Сахар – 800 гр.
Какао – 5 ст. ложек.
Орехи лесные – 150 гр.
Корица – 1шт. (палочка)

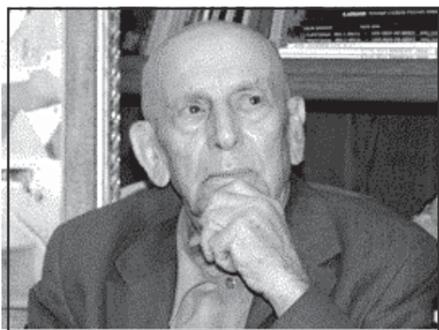
Сливу разделяем, косточку удаляем, засыпаем сливу половиной рецептурного количества сахара и оставляем на 7 часов. Ставим сливу на огонь, добавляем оставшийся сахар и палочку корицы, доводим до кипения,

варим на маленьком огне 20 мин. Добавляем какао, перемешиваем и, помешивая, варим 1 час. За 15 мин. до окончания добавляем орешки, удаляем корицу. Разливаем горячее варенье по банкам.

Остались картины и память

В Нью-Йорке на 94-м году жизни ушел из жизни Илья Яковлевич Шенкер. Сообщая эту печальную новость, информационные агентства назвали его известным русско-американским художником. По сути это так, но в первую очередь он одесский художник.

Илья Шенкер родился в Одессе, ушел на войну из Одессы, вернулся в Одессу, стал художником и до отъезда работал в Одессе.

Он не только родился в Одессе, но умудрился жить исключительно в ее старых, «классических» районах: на живописной Малой Арнаутской с мостовыми, в то время еще мощеными щекастым булыжником, и тротуарами, прочерченными рядами синих плиток лавы; на короткой и тихой, перекрытой старыми

акациями Новой улице, «впадавшей» в Новорыбную, по которой пробегал в Аркадию трамвай № 17; на сочно-колоритной Комитетской, что в самом сердце Молдаванки. И на графических листах и живописных полотнах Ильи Шенкера остались улицы родного города, площади, базары, пляжи, многочисленные тогда еще одесские евреи – соседи, знакомые, приятели, друзья, родственники художника. Пребывая не в самом юном возрасте и в заокеанском далеке, он «заселял» ими свои работы — будь то древний Рим или современный Бруклин. И

недаром проспект одной из его выставок, прошедших в разных городах — от Нью-Йорка до Парижа и от Венеции до Женевы, — открывается репродукцией давней акварели, на которой наш знаменитый Оперный театр, спускающаяся в переулок Чайковского лестница с чугунными перилами, а над ней старый платан, который, кажется, элегически шелестит молодой листвой.

А его серия линогравюр, посвященных Пушкину в Одессе, изданная в Нью-Йорке отдельным альбомом, совершенно уникальна. Поэта рисовали и писали многие, но такого Пушкина мы никогда не видели. Умудренный жизнью художник, распрощавшийся с молодостью на войне, может быть, впервые показал нам действительно молодого Пушкина в молодом городе Одессе, отчаянно молодого во всем — в радости, печали, надежде, ненависти, раздумье, в дружеской беседе, в любви и вдохновении.

Трудно писать об Илье Яковлевиче в прошедшем времени, но ничего не поделаешь. Остались его картины и наша память.

Ростислав Александров

И марш торжественно звучит...

Феликс Мендельсон родился в семье банкира Авраама Мендельсона. Дедом композитора был знаменитый еврейский философ Мозес (Моисей) Мендельсон, основатель движения Хаскала («еврейское Просвещение»).

Впервые прозвучал «Свадебный марш» Мендельсона 170 лет назад, 14 октября 1843 года, когда в Потсдаме состоялась премьера спектакля «Сон в летнюю ночь» по пьесе Шекспира. Ничего необычного в этом, может быть, и не было — Шекспира и ранее весьма охотно ставили. Единственное отличие от других премьер — музыку к спектаклю написал 34-х летний композитор Якоб Людвиг Феликс Мендельсон-Бартольди, которого современники называли просто Феликсом Мендельсоном. Именно в этот день в спектакле впервые прозвучал «Свадебный марш», который знаком, пожалуй, всем женихам и невестам.

Первый раз в качестве свадебного марша Мендельсона был использован во время венчания Дороти Карью и Тома Дэниэла в

практически ни одно бракосочетание не обходится без торжественного звучания марша Мендельсона.

<http://www.calend.ru/event/4139/>

Джозеф Глидден, американский фермер из штата Иллинойс, 27 октября 1873 года подал заявку на патент на колючую проволоку, придав ей тот вид, в котором она используется и сегодня.

Колючая проволока — тип ограждения в виде проволоки с расположенными на ней острыми шипами. Используется для строительства недорогих ограждений, а также для улучшения свойств уже существующих. Человек или животное, пытаюсь пройти

сквозь колючую проволоку, испытывает не самые приятные ощущения или даже получит рану.

Патент на колючую проволоку был выдан 24 ноября 1874 года. Это изобретение получило широкое применение и к 1880 году революционно изменило жизнь на просторах Великих равнин США. Недорогие изгороди из колючей проволоки позволили фермерам, державшим скот, обходиться без ковбоев, а владельцам ранчо — легко защищать свои посевы от

забретающих на их земли животных. Развитие животноводства в Соединенных Штатах благодаря этому изобретению получило значительный толчок.

А в дальнейшем колючая проволока стала использоваться не только для ограждения животных, но и как ограждение против людей на передовых позициях, в концлагерях, гетто, тюрьмах.

Потому и стала она колючим символом беды.

<http://www.calend.ru/event/4431/>

Новости Одессы, Украины, мира

Лауреатами Нобелевской премии 2013 года по физиологии и медицине стали Томас Зюдов (Стэнфордский университет, США) профессор Джеймс Ротман (Йельский университет, США), профессор Ренди Шекман (Калифорнийский университет, США).

Лауреатами Нобелевской премии по химии стали граждане Израиля Арье Варшель и Михаэль Левит.

Лауреатом Нобелевской Премии мира 2013 года стала Организация по запрещению химического оружия (ОЗХО), базирующаяся в Гааге.

ОАО «Управляющая компания холдинга «Белкоммунмаш» проводит сертификацию своего новейшего троллейбуса Vitovt Max Duo с дизель-генератором, благодаря которому он может обслуживать маршруты с участками без контактной сети.

Совет министров Евросоюза для экономии бюджетных средств принял постановление о замораживании зарплат и пенсий чиновников Евросоюза на период 2014-2020 годов. Покупательная способность их зарплат и пенсий будет рассчитываться по формуле, применяемой в отношении чиновников правительств стран-членов ЕС.

Федеральная резервная система (ФРС) США выпустила в обращение новую банкноту достоинством \$100 с повышенной степенью защиты.

В начале ноября в Израиле пройдут гастроли Александра Розенбаума, который выступит с концертной программой «Вперед, в прошлое...» в Хайфе, Ашдоде и Тель-Авиве.

Всемирная организация здравоохранения выступила за исключение ртути из всех медицинских измерительных приборов, в частности термометров и ртутьсодержащих приборов для измерения кровяного давления до 2020 года.

В Великобритании началась продажа саженцев растения, на котором растут одновременно помидоры и картофель. Это растение не является продуктом генетической инженерии и клонирования, а получено исключительно методом скрещивания.

В ЕС запустили фабрику вегетарианского мяса. Ученые создали полноценный заменитель мяса, который не отличается по виду и вкусу от оригинала, но «псевдомясо» состоит на 100% из овощей.

В Букингемском дворце арестовали мужчину, пытавшегося пройти на территорию лондонской резиденции британских монархов с ножом.

31 октября Алнсей Костусев подал заявление о сложении полномочий одесского городского головы.

Начнем с пассажирского транспорта. Единственным коммунальным средством перевозки пассажиров был трамвай. Одно, видимо, короткое время, ходила и конка — как сейчас, вижу ее на Садовой улице, напротив аптеки Гаевского, но других впечатлений о ней не осталось.

Омнибусов или трамкарет не помню, но тогда слышал, что они одно время использовались на загородных линиях — в основном связывали город с Куяльницким и Хаджибейским лиманами и были заменены линейками. С трамваем того времени по некоторым причинам пришлось ознакомиться более обстоятельно.

Построенные бельгийцами вагоны одесского трамвая радикально отличались от современных по внешнему виду, конструкции и интерьеру. Прежде всего потому, что они были рассчитаны на тупики на конечных остановках, и обе площадки были идентичны — контролеры для управления имелись на каждой из них. Собственно салон отделялся от площадок переборками с раздвижными дверями. Салон и торцы вагона были остеклены, но с обеих сторон, на каждой площадке вместо дверей имелись откидные ажурные решетки-перила, которые на остановках открывались и закрывались ватманом (водителем) и кондуктриссой. Таким образом, ватман и публика на площадках летом и зимой дышали свежим воздухом. Интерьер вагона был отделан разными по цвету сортами дерева. Вся арматура — из бронзы и латуни. Поскольку направление движения вагона с каждым рейсом изменялось, все скамьи были оборудованы перекидными спинками, с шарнирами у пола. Это устройство часто приводило к конфликтным ситуациям. При резком торможении стоящие пассажиры, держащиеся за поручни на спинках, невольно перекидывали последние вперед, и тем самым сбрасывали сидящих с их мест.

Как и теперь, в трамваях, троллейбусах и автобусах под потолком салона были

Владимир Чарнецкий Записки старожила

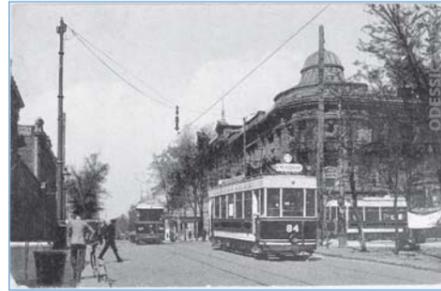
Начало в № 83

протянуты поручни, но сделано это устройство с большей заботой о пассажирах. На поручнях были подвешены скользящие по ним ремненные петли, за которые могли держаться пассажиры небольшого роста. Со своего штатного места у дверей задней площадки кондуктрисса "обилечивала" пассажиров, объявляла остановки и давала сигналы к отправлению (зеркал заднего вида у ватманов тогда не было). Для подачи сигналов ватману вагоны были оборудованы несложным механизмом, несколько напоминающим звонок к дворнику, в виде тросика, протянутого под самым потолком, при дергании за который на площадках раздавались звонки — один к отправлению, два — при остановке по требованию или для разборки конфликтов в салоне и на задней площадке, и три — в аварийных ситуациях. До тросика могли дотянуться только очень рослые люди, поэтому кондуктрисса снабжалась крючком, которым его доставала. Верхом шика "золотой молодежи" считалось дать три звонка и в общей суматохе при резкой остановке вальяжно выйти из вагона, помахивая ватману "ручкой" или посылая воздушные поцелуи.

Ватман — в то время ими были только мужчины — сидел на вертящемся на консоли сиденье, управление движением осуществлялось рукояткой на контроллере, на ручке которой был закреплен солидный бронзовый колокол. Поднимая и опуская втулку на ручке, можно было звонить при отправлении и в других неэкстренных случаях. Основные электрические, довольно громко дребезжащие, звонки находились под полом площадок и приводились в действие нажатием ноги на головку стержня, пропущенного через настил площадки. На конечной остановке (23 маршрута, у цирка) ватман, переходя на другую площадку, брал с собой только рукоятки контроллера. Все остальные операции, связанные с движением вагона в обратном направлении — перенос кронштейна с сиденьем, стержня электрозвонка, открывание дверей на

площадках с одной стороны и закрывание противоположных, перебрасывание спинок сидений, протирание стекол — выполняла команда добровольцев, непременно участником которой бывал я. Отсюда и мои глубокие знания в области устройства и эксплуатации одесского трамвая.

Особенно интересными для нас становились трамвайные эволюции в тупике, когда появлялись прицепные вагоны — "прицепки". Здесь маневрирование усложнялось и требовало большего нашего участия, в частности, работы с ручными тормозами прицепов, чугунные маховики которых были на каждой площадке. Эти тормоза довольно часто служили причиной неожиданных остановок вагона и визитов разъяренного ватмана на заднюю площадку. Дело в том, что находились желающие покрутить маховик и тем самым иногда невольно притормозить вагон.

Для кондуктрисс проблемой было билечивание пассажиров на площадке. Там обычно собиралась публика, упорно не желавшая вступать в меркантильные отношения с кондуктриссой. И их можно было если не оправдать, то во всяком случае понять. Обидно им, обдуваемым пронизывающим ветром, брать билет за ту же цену, что и пассажиры в салоне. Существовал простой и часто применяемый метод давления на "зайцев". Кондуктрисса останавливала вагон у ближайшего перекрестка с милиционером, и последний быстро и не особенно церемонясь наводил порядок. Метод этот был простой, но малоэффективный — вагон, особенно после остановки, двигался так медленно, что разогнанные "зайцы" бежали вперед по ходу

вагона и без особых усилий снова вскакивали на подножку.

В часы пик, после того, как прогудели гудки заводов, "люди висели на ступеньках площадок гроздьями, держась за дверцы, поручни и друг за друга. Ехали, стоя на полке швеллера сбоку вагона, держась за стойки открытых окон (окна открывались снизу вверх). Ватман поэтому все время находился в состоянии стресса, так как приходилось прикидывать: не снесут ли гроздь идущий впереди транспорт или столбы между трамвайными путями на загородных маршрутах. Подъезжая к какому-нибудь возу с негабаритным грузом, ватман замедлял ход и давал тревожные звонки, гроздь рассыпалась, ее составляющие обгоняли препятствие стороной и снова повисали у площадок. Такая ситуация создавалась не потому, что тогда было больше разгильдяев — теперь их не меньше, и сейчас они пытаются "висеть" — но дело, как мы знаем, в том, что технический прогресс и ПБД (правила безопасности движения) не позволяют развернуться — с открытыми дверями ехать не разрешается. А тогда было бы за что или за кого уцепиться, и место на ступеньке, чтобы поставить одну ногу, и это место пусто не бывало.

Особенно решительно настроенные кондуктриссы выбрасывали на ходу шапки наиболее отъявленных "зайцев", затем останавливали вагон и, когда нарушитель, он же потерпевший, выскакивал из вагона за шапкой, давали сигнал к отправлению. Метод этот применялся не часто и был, по сути, актом отчаяния со стороны кондуктриссы, ибо был чреват непредсказуемыми последствиями. Один из таких "зайцев", выскакивая из вагона, вырвал у кондуктриссы рулончик билетов, а бывало и похуже. Поступать таким образом кондуктрисс побуждало не усердие во славу одесского трамвая, а то обстоятельство, что регистрация каждого безбилетного пассажира контролерами существенно отражалась на зарплате экипажа вагона — ватмана и кондуктриссы.

В контролеры тогда подбирались люди идейно подкованные, физически крепкие, без излишней сентиментальности, их какое-то время выделяли с заводов. Действовали они решительно и бескомпромиссно, бригадами по несколько человек. Останавливали вагон на перегоне, грозди рассыпались, а уж те, кто был на площадках, наверняка билечивались, да еще со штрафом.

Продолжение следует

Советы хозяйке

Измельчить орехи для приготовления блюд всегда представляет проблему для хозяйки. Ступка, в которой их обычно толкут, не очень подходит для этой цели. Гораздо удобнее воспользоваться двумя терками, которые располагаются горизонтально. На нижнюю кладут ядра, а верхней их трут: дело ускоряется во много раз.

Чтобы легче очистить молодой картофель, положите его предварительно на 10-15 мин. в холодную воду, в которой растворена столовая ложка соли.

Замерзшие картофель, фрукты и овощи размораживают, опуская их в холодную воду. По истечении нескольких часов вокруг плодов образуется ледяная корочка. Эту воду надо вылить и налить другой, к которой прибавлено немного соли.

Картофель и овощи надо чистить нержавеющей ножом, тогда руки не чернеют.

Чтобы очищенный картофель не потемнел, до варки держите его в холодной воде целыми клубнями. Однако держите недолго, иначе он потеряет часть питательных веществ.

Картофель, сваренный в кожуре, сохраняет больше витаминов, чем очищенный.

Вареный картофель сохраняет больше витаминов, чем жареный. Жареный картофель вкуснее, но труднее переваривается.

Наиболее вкусен и питателен картофель, печенный в кожуре в горячей золе или духовом шкафу.

При чистке свеклы не отрезайте корень до конца, иначе свекла посветлеет, так как весь сок вытечет.

При чистке и резке лука глаза не будут слезиться, если делать это около зажженной печки, плиты или обмакивать нож в холодную воду.

Чтобы освежить увядшую зелень, положите ее на час в холодную воду, к которой прибавлена ложка уксуса.

Чтобы истереть дольку чеснока и не поцарапать руки, нужно наложить на терку кусок целлофана и тереть чеснок через него. Этот способ имеет еще одно достоинство: измельченный чеснок весь остается на пленке, не забиваясь в терку.

Чтобы устранить запах чеснока, обильно натрите руки солью и вымойте в теплой воде.

Не готовьте впрок винегреты и салаты. Заправляют их (маслом, сметаной, майонезом) только перед подачей на стол.

Если грецкие орехи высохли, подержите их целиком в скорлупе 5-6 дней в слегка подсоленной воде. Это восстановит их консистенцию и вкус.

Если сушеные грибы подержать несколько часов в молоке, куда добавлено немного соли, они станут как свежие.

Жареная рыба будет вкуснее, если ее подержать 5-10 минут в молоке, вывалить в муку и затем жарить в кипящем растительном масле.

Чтобы удалить неприятный рыбный (селечный) запах с рук и посуды, вымойте их водой с уксусом (1 столовая ложка уксуса на 2 литра воды).

Если перед чисткой рыбу окунуть в горячую воду, чешую снять будет гораздо легче.

При чистке скользкой рыбы опустите пальцы в соль — это облегчит вашу работу.

Чтобы при жарке рыба не разваливалась на куски, посолите ее и подержите 10-15 мин. до выпитывания соли.

Чтобы узнать, доброкачественная ли рыба, ее опускают в таз с водой: свежая рыба утонет.

Чтобы получить побольше лимонного сока, перед выжиманием подержите лимон 5 мин. в горячей воде.

Подавая лимон к чаю, обварите его кипятком. Это усилит аромат.

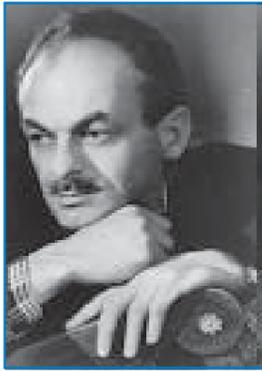
Засохшие лимоны освежают, опуская в сосуд с холодной водой. Воду меняют 1-2 раза в день.

Масло, имеющее запах испорченного, нужно медленно перетопить. При перетапливании прибавьте ломтик хлеба и оставьте до приобретения им золотистого цвета. Этот ломтик впитает тяжелый запах масла.

Продолжение следует

Страна Поэзия

Буллат ОКУДЖАВА

Поэт, прозаик, киносценарист, композитор. Родился в Москве в 1924 г. В 1942 г. ушёл добровольцем на фронт. Окончил филфак Тбилисского госуниверситета. Работал в газете «Комсомольская правда», издательстве «Молодая гвардия», в «Литературной газете». С 1962 г. член Союза писателей СССР. Создал более 800 стихотворений, написал около двухсот песен. Автор книг «Будь здоров, школяр», «Бедный Авросимов», «Похождения Шипова», «Путешествие дилетантов», «Свидание с Бонапартом». Скончался в Париже в 1997 г. Похоронен в Москве.

В земные страсти вовлеченный,
я знаю, что из тьмы на свет
однажды выйдет ангел черный
и крикнет, что спасенья нет.

Но простодушный и несмелый,
прекрасный, как благая весть,
идуший следом ангел белый
прошепчет, что надежда есть

В нашей жизни, прекрасной, и странной,
и короткой, как росчерк пера,
над дымящейся свежее раной
призадуматься, право, пора.

Призадуматься и присмотреться,
поразмыслить, куда живой,
что там кроется в сумерках сердца,
в самой черной его кладовой.

Пусть твердят, что дела твои плохи,
но пора научиться, пора
не вымалывать жалкие крохи
милосердия, правды, добра.

И пред ликом суровой эпохи,
что по-своему тоже права,

не выжувать жалкие крохи,
а творить,
засучив рукава.

Сегодня утром

Сегодня утром уж в который раз
я не проснулся - я родился снова...
Да здравствуют живущие среди нас
и свет в окне, и музыка, и слово!

История, перечень ей-не перечень,
сама себе хозяйка и опора...
Да здравствует, кто сможет уберечь
ее труды от суетного вздора!

Да, не на всех нисходит благодать,
не всем благоприятствует течение...
Да здравствует, кто может разгадать
не жизни цель, а свет предназначенья!

Не пробуй этот мед: в нем ложка дегтя.
Чего не заработал - не проси.
Не плюй в колодез. Не кичись. До локтя
всего вершок - попробуй укуси.
Час утренний - делам, любви - вечерний,
раздумьям - осень, бодрости - зима...
Весь мир устроен из ограничений,
чтобы от счастья не сойти с ума.

Славная компания...

Что же мне решить?

Сам я непьющий, — друзья подливают.
Умирать не страшно — страшно не жить.
Вот какие мысли меня одолевают.
Впрочем, эти мысли высказал Вольтер.
Надо иногда почитать Вольтера.
Запад, конечно, для нас не пример.
Впрочем, я не вижу лучшего примера.

У поэта соперника нету
ни на улице и ни в судьбе.
И когда он кричит всему свету,
это он не о вас - о себе.
Руки тонкие к небу возносит,
жизнь и силы по капле губя.
Догорает, прощения просит:
это он не за вас - за себя.

Но когда достигает предела,
и душа отлетает во тьму...
Поле пройдено. Сделано дело...
Вам решать: для чего и кому.
То ли мед, то ли горькая чаша,
то ли адский огонь, то ли храм...
Все, что было его, - нынче ваше.
Все для вас. Посвящается вам.

Детский уголок

З
А
Х
О
Р
Д
И
Е
Р
С

Никто

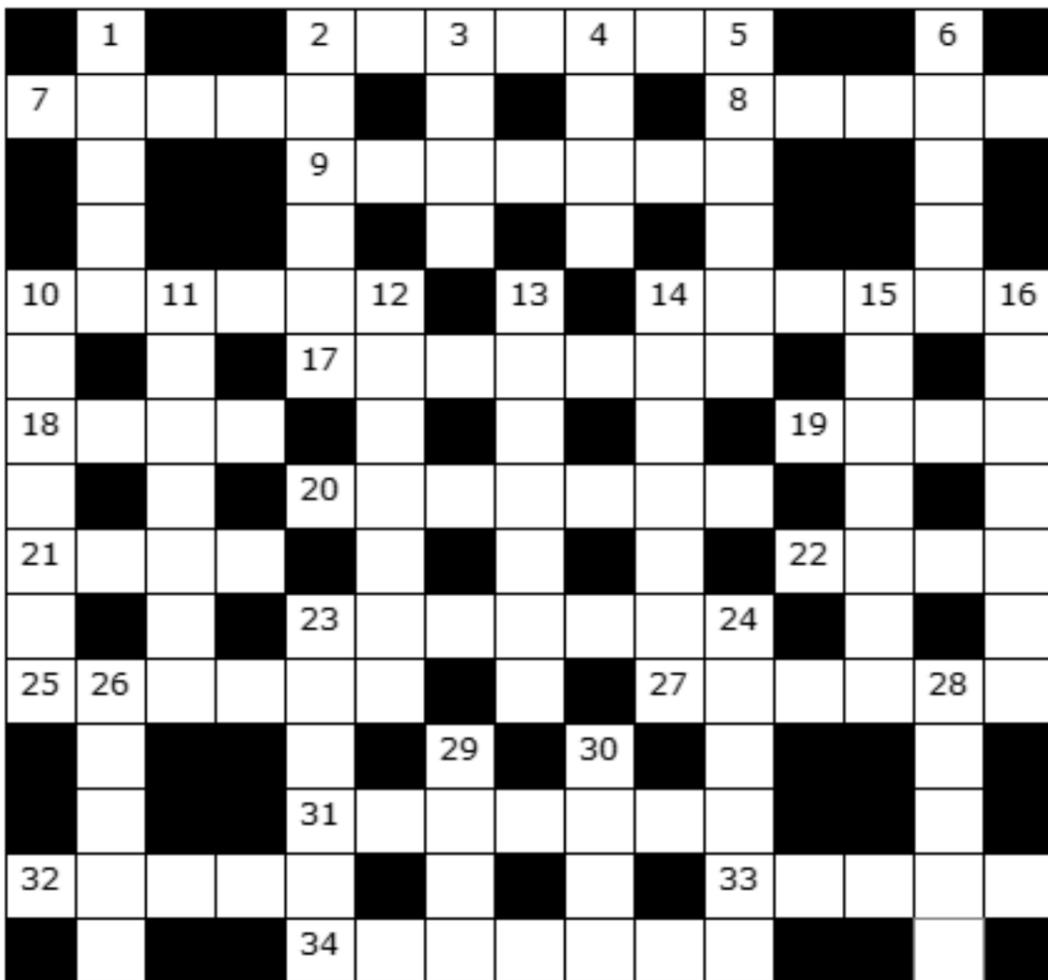
Завелся озорник у нас.
Горюет вся семья.
В квартире от его
проказ
Буквально нет житья!
Никто с ним, правда,
не знаком,
Но знают все зато,
Что виноват всегда
во всем
Лишь он один —
НИКТО!
Кто, например,
залез в буфет,

Конфеты там нашел
И все бумажки от конфет
Кто побросал под стол?
Кто на обоях рисовал?
Кто разорвал пальто?
Кто в папин стол
свой нос совал?
НИКТО, НИКТО, НИКТО!
— НИКТО — ужасный сорванец!
Сказала строго мать. —
Его должны мы, наконец,
Примерно наказать!
НИКТО сегодня не пойдет
Ни в гости, ни в кино!
Смеетесь вы?
А нам с сестрой
Ни капли не смешно!

Перемена

“Перемена, перемена!” —
Заливается звонок.
Первым Вова непременно
Вылетает за порог.
Вылетает за порог —
Семерых сбивает с ног.
Неужели это Вова,
Продремавший весь урок?
Неужели этот Вова
Пять минут назад ни слова
У доски сказать не мог?
Если он, то, несомненно,
С ним бо-о-льшая перемена!
Не угонишься за Вовой!
Он гляди какой бедовый!

Он за пять минут успел
Переделать кучу дел:
Он поставил три подножки
(Ваське, Кольке и Сережке),
Прокатился кувирком,
На перила сел верхом,
Лихо шлепнулся с перил,
Подзатыльник получил,
С ходу дал кому-то сдачи,
Попросил списать задачи, —
Словом,
Сделал все, что мог!
Ну, а тут — опять звонок...
Вова в класс плетется снова.
Бедный! Нет лица на нем!
— Ничего, — вздыхает Вова, —
На уроке отдохнем!

По горизонтали: 2. Матросская рубашка. 7. Город в устье реки Дору. 8. Способ бега лошади. 9. Немецкий физик, лауреат Нобелевской премии. 10. Химический элемент, лантаноид. 14. Складные очки в оправе с ручкой. 17. Мягкая и тонкая камвольная ткань. 18. Пряное и лекарственное растение. 19. Отрезок дистанции в спортивных соревнованиях. 20. Французский мореплаватель, руководитель кругосветной экспедиции, которая пропала без вести в 1788 году. 21. Иудейский царь-изверг. 22. Дорожный 23. Мыс, южная оконечность Камчатки. 25. Неподвижная часть электродвигателя. 27. Органическое соединение, применяемое в производстве красителей, фармацевтических препаратов, взрывчатых веществ, ускорителей вулканизации каучука. 31. Музыкальный темп. 32. Самый высокий по звучанию мужской певческий голос. 33. Положение, утверждение, которое автор или оратор намерен доказать, защищать. 34. Французская кинокомедия с Пьером Ришаром в главной роли.

По вертикали: 1. Женское украшение. 2. Перекладина. 3. Хищная птица семейства ястребиных. 4. Блаженство. 5. Главный певец в синагоге. 6. Автор романа "Исповедь сына века". 10. Весенний цветок. 11. Вилообразное рыболовное орудие. 12. Участник боя быков. 13. Отступник. 14. Клейкая лента. 15. Сплав никеля с титаном. 16. Богослужбная книга православной церкви. 23. Старое название народа саами. 24. Листок с вопросами. 26. Объект религиозного почитания родовых групп, племен. 28. Южное плодородное дерево. 29. Штрафной 30. Хлеб из гоголевских "Вечеров на хуторе близ Диканьки".

Ответы на кроссворд в газете "Доброе дело" № 84

По горизонтали: 1. Бирюк. 4. Латук. 7. Индюк. 10. Вокализ. 11. Касимов. 12. Гумус. 13. Тишина. 14. Эллипс. 15. Редут. 17. Диана. 19. Наган. 22. Ударник. 23. Нюанс. 24. Ответ. 25. Фаворит. 27. Ягуар. 30. Анино. 32. Труха. 33. Прибой. 34. Строка. 36. Суета. 38. Квинтал. 39. Рандеву. 40. Адепт. 41. Трест. 42. Мшара.

По вертикали: 1. Бювет. 2. Ракушка. 3. Колонка. 4. Лязг. 5. Термидор. 6. Кикс. 7. Инсулин. 8. Демпинг. 9. Кавос. 15. Радиант. 16. Трихина. 17. Дания. 18. Нанка. 20. Алтын. 21. Нетто. 26. Ощущение. 28. Училище. 29. Реостат. 30. Антоним. 31. Ипотека. 33. Пикша. 35. Акула. 36. Слёт. 37. Арат.

